

МЕЛЬНИКОВА Ирина

вера, надежда, любовь

Ржавый Рыцарь и Пистолетов

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭКСМО»

Ирина Мельникова

Ржавый Рыцарь и Пистолетов

«ЭКСМО»

Мельникова И. А.

Ржавый Рыцарь и Пистолетов / И. А. Мельникова — «Эксмо»,

Страшное, горькое время наступило в жизни известной писательницы Дарьи Княгичевой. Она потеряла одного за другим самых близких, любимых мужчин. Первым ушел из жизни ее друг и учитель – знаменитый писатель Арефьев, который сам себя называл Ржавым Рыцарем. Двое других – любимый и друг детства – погибли лютой смертью... И Дарья чувствует свою причастность к их гибели. Тем более что другой мужчина, тоже когда-то много значивший для нее, похоже, замешан в этих преступлениях. И если убийство любимого – олигарха Павла Свиридовского – всколыхнуло всю общественность, не только в ее родном городе, но и в стране, то смерть школьного друга, художника Оляли, компетентные органы посчитали несчастным случаем. Но Даша знает, что это не так. Она отваживается поделиться своими подозрениями со следствием. Зло должно быть наказано!..

© Мельникова И. А.

© Эксмо

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	34
Глава 7	42
Глава 8	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Ирина Мельникова

Ржавый Рыцарь и Пистолетов

Дине Бударинной, Константину Цитлидзе, Юрию Лалетину с любовью и благодарностью за дружескую поддержку и участие.

Автор

*Все расхищено, предано, продано,
Черной смерти мелькало крыло,
Все голодной тоскою изглодано,
Отчего же нам стало светло?
И так близко подходит чудесное
К развалившимся грязным домам...
Никому, никому не известное,
Но от века желанное нам.*

Анна Ахматова

Автор романа серьезно предупреждает: все его герои абсолютно вымышлены, все их поступки и случившиеся события исключительно на совести автора и его буйной фантазии. Простите, но он не виноват, если кто-то узнал себя! Такова жизнь, братицы и сестры!

Всем, кого недолюбили...

Глава 1

Чернота, чернота кругом... Только сполохи далеких зарниц освещали ей путь в длинном и пустом коридоре. Хотя нет, это совсем не коридор. Над головой нависло низкое, усыпанное звездами небо. Кажется, протяни руку – и достанешь до самых крупных из них. Она и впрямь протянула руку, и одна звезда вдруг сорвалась с небосвода и полетела, прочертив за собой огненный след... Казалось, звезда падает прямо на нее. Сердце замерло от ужаса, она поняла, что надо бежать, бежать... Ноги приросли к земле, и она закричала от безысходности, осознав, что через мгновение ее не станет... Но звезда уже лежала в ее руке... Холодная и безжизненная. И не звезда это была, а огромный бриллиант, подобный она видела недавно в Алмазном фонде, однако, как ни старалась, не могла припомнить его название. Вроде бы он украшал одну из диадем императрицы... Однако там он был не один, а в компании с изумрудами и дюжиной своих собратьев, только меньших по размеру... И тут она увидела ту самую диадему. Она валялась у ее ног, как самая обыкновенная вещица, дешевая, украшенная стразами безделушка. Но камни сверкали и переливались, отсвечивали на каменных стенах коридора цветными радугами, подтверждая ее баснословную ценность.

Страх исчез, на смену ему пришло любопытство. Она подняла диадему, надела на голову. И та пришлась ей впору. Тотчас она увидела себя со стороны, словно кто-то поднес и поставил перед ней огромное, без оправы зеркало. Тяжелое бархатное платье с длинным шлейфом облегло статную фигуру. Темные волосы были уложены в старинную, высоко взбитую прическу с буκлями на висках. И диадема в них смотрелась кстати, словно заняла давно ей положенное место...

– Отдай! – раздалось тихое за ее спиной.

Она быстро оглянулась. Никого! И спрятаться негде. Коридор был прямым, без поворотов и изгибов. Она опять услышала это тихое «Отдай», произнесенное с явной угрозой. Голос,

казалось, шел из стены. Она сделала шаг, другой и увидела старуху, сгорбленную, с клюкой, которая внезапно, как изображение на старой фотопленке, проявилась на фоне стены. Ее маленькие злобные глазки отсвечивали в темноте красными огоньками. Бабка погрозила ей клюкой и выкрикнула пронзительно:

– Отдай, греховодница! Иначе пропасть тебе в геенне огненной!

– Не отдам! – выкрикнула она в ответ и прикрыла диадему руками. – Мое это! Моя звезда...

– Сука ты, – сказала вдруг бабка голосом известного критика Аристарха Зоболева и добавила уже хриплым баском Паши Лайнера: – Век свободы не видать, мама родная!

Подхватив за края юбки своего роскошного платья, она опрометью кинулась вперед по коридору. Позади гремели чьи-то шаги, кто-то сипло ругался матом и зловонно дышал ей в спину. Но она мчалась изо всех сил, будто решила поставить мировой рекорд скорости, и молила об одном: только бы не споткнуться, не растянуться на полу, не потерять диадему...

Вдруг впереди мигнул лучик света, и она увидела низкую дверь в конце коридора. Дверь была обита старым байковым одеялом и чуть приотворена. И она поняла, что дверь открыта для нее. Рванула ручку на себя и шагнула в облако, которое окутало ее с головы до ног. Она почувствовала, что парит в воздухе, а на душе вдруг стало легко-легко и спокойно. Исчезли жуткие звуки погони за спиной, и она сделала новый шаг в глубь баньки. А это действительно была банька. Чистая деревенская, с кедровым полком и развешанными по стенам березовыми вениками.

На деревянной лавке перед ней сидел человек, завернутый в белую простыню. Она охнула, испугавшись вдруг своей наготы перед незнакомым мужчиной, и вдруг заметила, что тоже закутана в простыню. Но диадема, в отличие от платья, странное дело, не исчезла, сидела на голове как влитая, только прическа изменилась, стала прежней, а-ля Ирина Хакамада.

– Радость моя, здравствуй! – сказал тихо человек, и она опять охнула, но уже радостно, узнавая и не веря себе.

– Ржавый Рыцарь! Ты здесь?

Она бросилась к нему, упала на колени, прижалась щекой к его ладони. Та была холодной как лед, хотя в бане было жарко, очень жарко.

– Девочка моя, – сказал он ласково, – не плачь!

– Я не плачу, – соврала она, хотя слезы хлынули потоком.

– Ты – сильная, – сказал он ласково, – ты справишься.

Человек поднялся на ноги. Он был чрезвычайно худ и высок ростом. Длинные седые волосы стягивала на лбу черная траурная повязка. Он положил ей ладонь на голову, туда, где только что была диадема.

– Не предавай память. – Голос его прервался.

Она схватила его за руку, но поймала пустоту.

– Не уходи! – закричала она не своим голосом. – Ржавый Рыцарь, миленький, не уходи!... – И проснулась.

Лицо, ладонь, что она держала под щекой, подушка – все было мокрым от слез. В номере невыносимая духота, а может, у нее просто поднялась температура? Ведь с вечера ее долго трясло в ознобе, пока она не хлебнула из плоской фляжки, которую всегда брала с собой в поездки.

Даша подняла голову. Форточка была открыта. Видно, все-таки вставала ночью. Но она не помнила ничего, все перебил этот сон...

Серый сумрак сочился сквозь окна. Господи! Ржавый Рыцарь – вспомнила она и быстро опустила ноги с кровати. Рука потянулась к телефону, палец привычно крутанул наборный диск.

– Алло? Кардиология? – спросила она севшим после сна голосом. – Я хотела узнать... Арефьев Дмитрий Олего...

– Скончался, – равнодушно ответила трубка прокурренным голосом дежурной медсестры. – В четыре часа отмаялся, горемычный...

Трубка выпала из рук. Даша некоторое время сидела, тупо уставившись в одну точку. Болтавшаяся на шнуре трубка исходила частыми гудками, а в ее голове звенела, ныла, стонала скрипичная струна. Даша прижала пальцы к вискам. Струна, взвизгнув, лопнула, и слова застучали молоточками в ее голове, его последние слова. Та самая фраза, которую она слышала во сне... «Не предавай память... Не предавай... Не предавай...» Голос Ржавого Рыцаря метался по комнате, а может, это металась она, Даша Княгичева, жалкая, беспомощная баба, осознавшая свое одиночество в этом огромном, беспощадном мире. Она рвала на себя оконную раму, не замечая, что та намертво забита огромным гвоздем. Ей не хватало воздуха, она задыхалась... Но вид этого кривого гвоздя неожиданно вернул ей здравый смысл.

«Что я делаю?» – пронеслось в голове. Она подошла к столу, достала из сумки записную книжку, нашла телефон Союза писателей. Затем взглянула на часы. Восьмой час... Вряд ли дозвонишься... Но, к ее удивлению, трубку взяли сразу. Незнакомый женский голос деловито сообщил, что с телом Дмитрия Олеговича Арефьева можно проститься завтра в здании городского музея с одиннадцати до шестнадцати часов дня. Потом его отвезут в Сафьяновскую, бывшую казачью станицу, где он жил в последнее время, там состоится гражданская панихида и отпевание в местной церкви. Похоронят его тоже на местном кладбище рядом с могилой дочери. Все это союзписательская дама сообщила деловито, по-будничному сухо, казалось, ей было не впервой провожать в последний путь великих русских писателей.

– Спасибо, – тихо сказала Даша, хотя с языка рвались совершенно другие слова. Горькие, несправедливые... С трудом, но она сдержалась, ведь эта женщина ей совсем не знакома, возможно, подобным образом она пытается скрыть свое горе. Даша представить себе не могла, чтобы кто-то мог сейчас испытывать иные чувства. И женщина на том конце провода, видно, поняла ее состояние, потому что спросила уже другим голосом, скорбным и до боли знакомым:

– Вы кто? Родственница? – Это была Мира, секретарь Дмитрия Олеговича, но что она делает в Союзе, порог которого уже лет десять не переступала ее нога после того nepотpeбнoгo, злобного письма, подписанного сворой негодаев, смевших называть себя писателями? Однако в равной степени ее ненависть распространялась и на Дашу, потому что она знала об их отношениях с Арефьевым гораздо больше, чем кто-либо другой...

Но сейчас она явно не узнала ее. И Даша не решилась представиться.

– Просто читательница, – произнесла она глухо, – мои соболезнования...

– Дама, – голос Миры вновь стал сухим и бесцветным, – я понимаю ваши чувства. Но вы не одиноки в этом. Не занимайте телефон.

Даша поспешно опустила трубку на рычаг. Она так и не поняла, узнала ее Мирка или нет. Похоже, не узнала, но обращение «дама»? Слишком знакомо это прозвучало... Уничижительный тон, презрительные интонации. Именно так злобная секретарь Арефьева обращалась к ней при встрече: «Эта дама... Вы, дама... Дама в шляпе...»

– Крыса! – выругалась Даша. – Старая вонючая крыса!

Она потянулась к начатой пачке «Мальборо», но вспомнила вдруг свой зарок не курить больше двух сигарет в день и ни в коем случае на пустой желудок. Под ложечкой тотчас заняло, Даша поняла, что от голода, потому что последний раз она ела вчера в самолете, то есть почти двадцать часов назад. Она открыла холодильник и тупо уставилась на его полки. Пластиковая бутылка с местной минеральной водой, пакетики сока, несколько флаконов в боковом отделении. Она перебрала их. «Мартини», коньяк «Московский», виски... Странное сочетание, хотя... вполне обычный гостиничный набор. Где ж все-таки пельмени? Она приобрела их, чтобы сварить на ужин, потому что знала – в номере есть крохотная кухонька, но забыла про

все, лишь перешагнула его порог. Тогда звонил телефон, и она бросилась к нему, но лучше бы не подходила...

Даша огляделась по сторонам. Так и есть. Яркий пакет валяется в прихожей у порога. Она заглянула в него. Пельмени, естественно, превратились в безобразное месиво, которое она, брезгливо сморщившись, отправила в мусорное ведро. Следом полетел пластиковый контейнер с дурно пахнущим салатом оливье и пакетик прокисшего в жаре молока. «Вот и позавтракала», – мрачно констатировала она и тут вспомнила, что в стоимость номера входит завтрак или ужин по усмотрению жильца. Она нашла в списке, висящем на самом видном месте над телевизором, телефон гостиничного ресторана и заказала еду в номер.

К ее несказанному удивлению, заказ приняли безоговорочно и даже безропотно выслушали ее инструкцию по приготовлению чашечки настоящего, ни в коем случае не растворимого, черного кофе. Обязательно в турке, полторы ложечки... кусочек рафинада... И никаких сливок...

Завтрак принесли через полчаса. За это время Даша успела принять душ, высушить феном волосы и сделать макияж. Обычный утренний обряд. Все это она делала механически, стараясь думать о чем угодно, только не о том, что Дмитрия Олеговича уже нет в живых. Взгляд то и дело останавливался на телефоне. Нужно позвонить... Но кому? В Союз писателей? Ни в коем случае! Оляле? Но он наверняка еще спит. Раньше одиннадцати он трубку не берет, даже гори все вокруг ясным пламенем. Таньке и Маньке? Те, вернее всего, уже в Союзе. Как можно обойтись без главного распорядителя Татьяны Сергеевны Гусевой? И когда еще представится ей подобный случай проявить свои организаторские таланты?

Даша обхватила голову руками и застонала. Ну как она могла не почувствовать, что ее Ржавому Рыцарю плохо? Третий инфаркт, как она его боялась! Еще неделю назад перед отъездом в Москву требовала по телефону, чтобы он непременно лег в военный госпиталь, подлечился, отдохнул. Но он спешил закончить второй том воспоминаний и смеялся над ее страхами...

Слезы опять потекли по щекам, и Даша бросилась в ванную подправлять макияж. В этот момент постучали в дверь номера, и она так и встретила официанта с поплывшими ресницами и жалкой улыбкой на лице.

– Сегодня омлет с грибами, – сообщил молоденький мальчик со свежей розовощекой физиономией и в форменном сюртучке. На его баджике значилось: «Сева», и Даша произнесла его имя про себя. Оно звучало сочно и по вкусу смахивало на омлет, который и внешне выглядел очень аппетитно.

Молодой человек расставил тарелки, разложил ножи и вилки, достал и расправил сложенную конвертиком льняную салфетку.

– Кофе? – спросила Даша.

Официант снял с турки колпачок-утеплитель из веселенького, в цветочек ситца.

– Все в наилучшем виде. Как дома, с пылу с жару, – произнес он радостно и столь искренне, что Даша невольно улыбнулась в ответ.

Сева явно копировал трактирных половых той эпохи, которая казалась Даше немыслимо далекой, а ему наверняка античной древностью. Он ловко нарезал омлет, посыпал его зеленью, налил кофе в крохотную фарфоровую чашечку, намазал тосты маслом, выложил на тарелочки бутерброды с ветчиной и крохотную шоколадку. Все это заняло не более двух минут.

Даша покачала головой. Куда столице до подобного сервиса!

– Кушайте на здоровье! – Сева выпрямился. – Приятного аппетита!

– Вам повезло, что я люблю омлет с грибами, – заметила Даша и вежливо поинтересовалась: – А как насчет других гостей, у которых на грибы аллергия? – Ей вдруг захотелось найти хоть одно упущение в обслуживании, чтобы не впасть в эйфорию по поводу такой предупредительности.

– Дарья Витальевна, – молодой человек расплылся в улыбке, – мы запомнили ваши вкусы еще с тех пор, когда вы у нас останавливались. А для остальных гостей у нас есть несколько вариантов: с ветчиной, помидорами, сыром... И бутерброды тоже по желанию...

– Удивительно, – Даша улыбнулась, – как я это упустила? Вчера по старой командировочной привычке купила пельмени...

– Если желаете, наш повар приготовит их. Как вы любите? С бульоном, уксусом, сметаной?

– Спасибо, но пельмени пришлось отправить в мусорное ведро. Я забыла положить их в холодильник.

Паренек скривился.

– Понимаю. Вы очень расстроены. Сегодня утром сообщили, что умер Арефьев. Я слышал, – он приложил руку к груди, – вы были очень дружны с ним.

Даша в удивлении подняла брови.

– Вы знаете Арефьева? Никогда не думала, что его читает молодежь!

– Мы его повести в школе проходили. Наша учительница литературы Галина Михайловна просто фанат какой-то книги Арефьева. Мы даже ездили после десятого класса в Сафьяновскую, работали на строительстве библиотеки. Дмитрий Олегович приходил к нам по вечерам и пел песни у костра под гитару. Здорово было!

– А вы читали его последний роман?

– «Забытые под снегом»? – Сева виновато пожал плечами. – Пробовал, но не смог осилить. Слишком тяжело. Вы правы, наверно, мы привыкли к тому, что легче.

– К моим книгам, например, – усмехнулась Даша. – Это действительно гораздо легче.

– Нет, у вас другое! Моя мама ваши книги раз по десять перечитала, и подружки в очередь стоят. Папка на экскаваторном работает, сроду книжек в руках не держал, кроме тех, что по автомобилям, и то, смотрю, читает. У вас правда другое.

Паренек искренне хотел сделать ей приятное, и Даша протянула ему пятьдесят рублей:

– Возьмите, Сева, это за комплимент!

– Спасибо, – официант покраснел, – честно сказать, я здесь недавно и еще не привык к чаевым. – Он замялся. – Вы долго пробудете в Краснокаменске?

– Пока не знаю, но никак не меньше недели, – ответила Даша.

– Тогда в самый раз, – обрадовался Сева. – У мамы скоро день рождения. Я куплю ей ваши последние книги в подарок, а вы подпишете их, если нетрудно?

– Нетрудно! – улыбнулась Даша. – Приносите книги, обязательно подпишу их для вашей мамы.

Официант покинул номер, а Даша принялась за завтрак. Омлет, конечно, за разговорами остыл, кофе – тоже, и хотя был сварен точно так, как она заказывала, напомнил ей по вкусу чернила, которыми в детстве заправляли школьные авторучки. Правда, сегодня все для нее утратило и вкус, и цвет, и запах!

И все же она расправилась с завтраком подчистую. По прежнему опыту она знала, что в сегодняшней суматохе вряд ли получится пообедать. А ей нужно набраться сил, чтобы справиться с горем и вынести встречу с теми, кого она презирала всей душой. Обида до сих пор жила в ее сердце. Не за себя, за Арефьева. Ей захотелось снова увидеть их лица – все во здравии, все живы, у всех холеные, сытые рожи. Когда-то они посмели обвинить Дмитрия Олеговича в популизме, назвали его роман конъюнктурным, лживым, порочащим подвиг советского народа в Великой Отечественной войне. И это заявляли люди, которые родились уже после войны или в ее начале. Люди, не нюхавшие пороха, не питавшиеся дохлой кониной, не лежавшие под огнем противника в блиндаже из мерзлых трупов немецких гансов и русских иванов – всех вперемешку... Но стыд глаза не ест, и наверняка фамилии этих подонков появятся завтра в газетах под официальным некрологом. Возможно, не всех, но в подавляющем большинстве...

– Иуды! Сволочи! – Даша привычно выругалась. – Слетится воронье кости клевать!

Она посмотрела в окно. Там окончательно рассвело, но повалил снег, от этого в номере было сумрачно и неудобно. И Даша опять включила свет. Затем позвонила в ресторан, чтобы забрали посуду.

Вместо Севы появилась высокая рыхлая девица с фиолетовыми, сложенными куриной гузкой губами. Она молча составила посуду на сервировочный столик и, презрительно дернув плечом в ответ на Дашину десятку, удалилась по-английски, не прощаясь. Правда, чаевые забрала, хотя Даша ясно прочитала в ее глазах, что девица думает о ней и одновременно обо всех прижимистых столичных суках...

Плохое настроение официантки Даша отнесла полностью на счет похмельного синдрома. Девица сосала таблетку «Рондо», явно чтобы только освежить дыхание. К тому же на ее полной с ранними морщинами шее ясно просматривались следы бурно проведенной ночи, и тут Даша неожиданно позавидовала ей. По правде, она сейчас тоже нуждалась в подобной разрядке, может, не столь кипучей, но как хотелось проснуться утром рядом с тем, кому она решилась бы рассказать, как ей плохо сейчас! До паскудства! До полнейшей безнадёги! Кому сказать, кому пожаловаться, что ты, такая красивая, уверенная, внешне счастливая, в душе чувствуешь себя старой паршивой собачней, которую хозяева выбросили в мороз, в ледяные порывы ветра, в снег под забор...

Она открыла чемодан. Сегодня надо одеться удобно, но так, чтобы у всех местных матрон зрачки свело в кучку. Даша выбрала черные кожаные брюки, темно-серый с высоким воротом тонкий свитер и кожаный жилет. Стильные остроносые ботинки, маленькая, по голове, шапочка из белого меха, красный канадский пуховик, длинный шарф. Скромно, элегантно и для умного – достаточно! Достаточно, чтобы проглотить язык от зависти...

Даша злорадно ухмыльнулась в зеркало. Теперь она может позволить себе одеваться скромно, потому что давно уже поборола комплекс нищенки, когда купала половину бутика, а после не знала, что делать с этой прорвой нарядов.

Она покрутилась перед зеркалом, проверив придирчиво каждую деталь своего туалета. Не выпадает ли она из общего ансамбля, соответствует ли выбранному стилю? Сегодня у нее трудный день, и наряд должен помочь ей сохранить самообладание, даже если ее в открытую будут провоцировать на скандал. Подвоха следовало ожидать и от юных шакалов-газетчиков, и от телевизионщиков. Тайных и явных недоброжелателей у нее, как у каждого, посмеявшегося выползти из общей колеи человека, было более чем достаточно. Возможно, сегодня-завтра у этой своры хватит такта не цепляться к ней, но потом они возьмут реванш, и, скорее всего, после похорон Арефьева, чтобы не дать ей собраться с духом.

Здесь, в провинции, еще не знают, что она хорошо усвоила закон столичных джунглей: «Бей первой! И сразу под дых!» Равно как и поняла, что после подобного удара можно говорить и делать все, что твоя душа пожелает, пока противник вновь не обретет способность дышать! Но дыхание у него при этом все равно будет слабое и поверхностное!

Даша усмехнулась. Чего вдруг она разошлась? Она вернулась в свой город победителем. А победителей, как известно, не судят. В глаза, естественно, а за глаза, черт с ними, пусть злословят. Она осмотрела пальцы. Ногти в порядке, не стыдно будет сунуть руку для поцелуя...

И снова взглянула на часы. Четверть девятого. Рановато! Даша вздохнула. Конечно, в череде обязательных церемониальных расшаркиваний и вежливых поклонов будут приятные моменты встречи с друзьями. Но их у нее почти не осталось. Даже Таньку и Маньку можно назвать только хорошими приятелями, но никак не друзьями. Друзья не кричат: «Порви ее! Порви!», когда на тебя бросается злобная стая... Разве только Оляля? Добрый старый проходимец и плут Оляля! Ляля, Лялька...

Даша опять бросила взгляд на телефон. Ну, Лялька же, проснись наконец и позвони! Неужто не чувствуешь, как плохо и тоскливо твоей Дашке в этом когда-то любимом ею городе?

И, словно в ответ на ее немой призыв, телефон зазвонил – резко, требовательно, словно всю ночь копил силы для этого надрывно-пронзительного звонка.

Она подняла трубку.

– Не смей отключаться! – приказали на том конце провода. – Знаю, ты прилетела вчера. Я видел, в твоём номере горел свет. Я позвонил с мобильного, но ты бросила трубку. Почему не хочешь ни поговорить, ни встретиться со мной?

– Я не думала, что ты настолько туп, чтобы не понять с первого раза, – сказала она на удивление самой себе совершенно спокойно. – Два раза на одни грабли не наступают.

– Даша, почему ты не захотела лететь нашим самолетом? – Этот человек имел поразительную способность не реагировать на оскорбления. В нужный момент он просто их не слышал.

– Я не служу в вашей компании! – отрезала она. – И не привыкла к спонсорским подачкам! Всегда плачу за себя сама!

– Но здесь особый случай, – не сдавался самый большой упрямец из тех, кого она когда-либо встречала в своей жизни. – Мы смогли бы поговорить во время полета.

– Как ты это себе представляешь? Два воркующих голубка на фоне твоего разлюбезного Марьяша и его прихлебателей? Кстати, он прибыл, чтобы отдать последний долг? Или доверил это тебе, гражданин Пистолетов?

– Брось дурить! – по голосу чувствовалось, что она все-таки достала его этим «Пистолетовым», но, к чести своей, Владислав Макаров умел держать себя в руках. – Я знаю, что ты порядочная язва, но я люблю тебя и хочу видеть.

– Вот только этого не надо! – прошипела она в ярости. – Никаких «люблю», никаких «видеть»! Проехали, гражданин Пистолетов, и вокзал, и старую баню! И не звоните мне больше! Никогда!

Она бросила трубку и перевела дыхание. Нет, все-таки она не научилась держать себя в руках. Ведь как хорошо поначалу вела свою линию, а под конец сорвалась, слетела с тормозов и орала в трубку, как последняя истеричка, хорошо, что не перешла на визг.

Даша достала из сумочки образок Пресвятой Казанской Богоматери, перекрестилась и поцеловала его. Затем надела пуховик, оглядела напоследок комнату: не забыла ли чего, и вышла из номера. Телефонный звонок настиг ее за дверью, но она не вернулась, хотя душа рвалась и молила взять трубку. Но Даша привычно стреножила ее, а после посадила на цепь.

Дежурный администратор, принимая ключи, приветливо ей улыбнулась, однако Даша спиной почувствовала ее скептический взгляд. И лишь круче вздернула подбородок. «Здравствуй, Краснокаменск! Сколько новых оплеух ты мне приготовил?»

Глава 2

На улице по-прежнему валил снег. Ветки синих тянь-шаньских елей, окруживших гостиницу плотной стеной, обвисли под его тяжестью. Автомобили двигались с включенными огнями, над рекой стоял туман, а новый коммунальный мост, соединивший левый и правый берег, казалось, возлежал на облаке. Было тепло, безветренно и прямо-таки сказочно красиво. Даша сняла варежку, протянула руку навстречу снежинкам. И тотчас стоявший неподалеку автомобиль с шашечками на боку ловко развернулся почти у Дашиных ног. Дверца приглашающе распахнулась, водитель весело поинтересовался:

– Куда доставить принцессу?

– На правый берег, в Запруднево.

– Знаем, – расплылся в улыбке таксист, – сами там живем. Но, дамочка, согласитесь, снег, гололед. За двести рублей поедем?

– Поедем, – вздохнула Даша, – надеюсь только, вы не маньяк?

– Маньяк? – опешил водитель. – С чего вы взяли?

– Сам подрулил, – ответила она. – Обычно я не сажусь к таким водителям и первую в очереди машину никогда не беру.

– А что, встречались с маньяками? – весело поинтересовался водитель.

– Нет, – улыбнулась Даша в ответ, – не испытала подобного счастья.

Она села на переднее сиденье. И вдруг в зеркальце заднего обзора заметила черный джип с тонированными стеклами, и хотя у него были краснокаменные номера, сердце ее екнуло. Только один человек на свете мог так лихо остановить машину впритирку к гостиничному крыльцу. Она не ошиблась. Влад вышел из машины. Все такой же подтянутый, с прямой спиной, без малейшего намека на живот. Длинным черным пальто и белым шарфом (не хватало лишь шляпы с твердыми полями) он напомнил ей вдруг чикагских гангстеров тридцатых годов, такими их любил изображать Голливуд. И все же она немного покривила душой. Макаров нынче смотрелся более импозантно, чем в форме, только стрижка осталась прежней, очень короткой, и волосы сильно поседели.

– Закрывайте дверцу, едем, – сказал водитель, заметив, что пассажирка одной ногой все еще на улице. – Выстудите салон.

Она послушно захлопнула дверцу. Влад уже входил в гостиничные двери. И она наконец перевела дух. Оказывается, в этот момент она забыла, что надо дышать.

– Эге, – многозначительно заметил над ее ухом таксист, – какие люди в нашем Копай-городе объявились! С чего это генерал опять нашу волну рассекает?

– Какой генерал? – спросила она, стараясь изо всех сил, чтобы ее голос звучал равнодушно.

– Да бывший начальник краевой милиции. Владислав Макаров. Крутой был мужик, однако! За три года всех местных жуликов к ногтю прижал. Мы уж думали, в губернаторы пойдет, только в Москве быстрее сообразили, что к чему, и к себе забрали! Правда, вскоре сняли. Говорят, то ли проштрафился, то ли вовремя не прогнулся.

– Такова судьба всех генералов! – усмехнулась она.

– Ты здесь в командировке, что ли? – таксист почему-то воспринял ее улыбку неадекватно и перешел на «ты». – И как такую красоту муж из дома отпускает?

«Ну вот, началось! Их что, на специальных курсах обучают, как с одинокими пассажирами заигрывать?» – подумала она тоскливо, но вслух недружелюбно ответила:

– Отпускает, потому что доверяет!

Но водитель уже затоковал, как глухарь. И как глухарь, никого не слышал, кроме себя самого. С виду он был вполне приличным мужиком, крепким, широкоплечим и довольно сим-

патичным, если бы убрал с лица самодовольную ухмылку. Заметив ее взгляд, таксист, видимо, решил, что полностью завладел ее вниманием, и расплылся в улыбке, блеснув золотым зубом.

«Фу, как пошло!» – поморщилась и мысленно упрекнула себя Даша. Она была крайне недовольна собой. Вместо того чтобы вовремя одернуть этого наглеца, развела с ним тары-бары! Но ничего не успела сказать, водитель продолжал развивать тему взаимоотношений полов.

– Зря доверяет! – произнес он с чувством и покрутил пальцем у виска. – Любая баба спит и видит, как своему мужику рога наставить. Тем более сейчас везде только про секс и говорят. И по ящику, и в газетах, журнальчики всякие... – Воспоминание о журнальчиках прибавило масла в его глазах. Он окинул Дашу оценивающим взглядом. – А то давай сговоримся? Я сегодня меняюсь в восемь. Можно часа четыре погулять! Я хорошо зарабатываю! А потом к тебе в номер! И... – он изобразил непристойный жест, – до утра! Что, скажешь, мне силенок не хватит? Никто пока не жаловался!

– Останови! – произнесла Даша сквозь зубы. – Немедленно останови, тварь такая!

– Ты что? – поразился ее соблазнитель. – Испугалась?

– Останови! – почти выкрикнула она, едва сдерживаясь, чтобы не съездить по самодовольной роже. – Я выйду!

– Так на мосту же! – растерялся водитель. – Здесь нельзя.

– Остановишь сразу за мостом! И не шути! – Даша вытащила из сумочки газовую «беретту» и положила на колени.

– Ну, совсем дура баба, – произнес расстроенно водитель. – Чокнутая, однако! Я же пошутил!

– Я тоже пошутила! – Даша бросила ему на колени сотню. – Возьми, за моральный ущерб!

– Да ладно тебе, – водитель сконфуженно посмотрел на нее, – нельзя уж зубы поскалить! Красивая ты бабенка, и кольца нет! – кивнул он на свободную от рукавички правую руку Даши. – Жалко таких, однако!

– Ты себя жалеешь, меня не надо! – рассердилась Даша. – Много таких жалельщиков развелось!

– Ну, ты колючая, прямо как ежик! Ежик-злюка! У сына в книжке такой нарисован. Иголочки во все стороны торчат.

– Я не ежик, я – метр колючей проволоки. – Даша отвернулась и стала смотреть в окно.

– Ишь ты, – водитель покачал головой, – видно, крепко цепляешь мужиков на свои колючки, ходу не даешь... Смотри, жизнь ведь она одна. Назад не повернешь!

Даша продолжала упорно молчать и смотреть в окно.

Водитель понял, что пассажирка больше не рвется покинуть его машину, и тоже замолчал, но включил магнитола. Хрипата, явно блатная особь затянула что-то гнусаво-тоскливое про славных братишек и грязных «мусоров».

– Сидел, что ли? – поинтересовалась Даша, не поворачивая головы.

– Чего нет, того нет, – охотно откликнулся водитель, – просто клиент сейчас такой пошел. Шансон из подворотни им подавай! – Он усмехнулся. Лицо у него и впрямь казалось приятным, особенно когда его хозяин перестал говорить пошлости. – Я ведь музучилище закончил. В Запрудневе во Дворце культуры работал, сначала хударком, а после директором. Хорошо работал, сундук Почетных грамот накопил. Наш молодежный театр по всему Союзу гремел, за границу ездили. В Германию, Венгрию, в Монголии даже побывали. Только теперь во Дворце мебельный салон, а молодежь по подъездам да подвалам травку курит и клей нюхает.

– Постой, так ты, наверно, Гришу Олялю знаешь? Он во Дворце художником-оформителем работал?

– Конечно, знаю, – оживился водитель и недовольно пробурчал: – Так бы сразу и сказала, до Оляли, мол, довези. А то сразу маньяк, такой-сякой!

– Как он? Пишет картины? Не колется?

– Пишет, – кивнул головой водитель и протянул ей ладонь: – Костя. Меня в Запрудневе все знают.

– Даша, – пожала она жесткую ладонь с твердыми бугорками мозолей.

– Даша? Так ты... – Константин смачно припечатал ладонь ко лбу. – Гришка все время о тебе талдычит. И как я тебя не узнал, ведь столько раз по телевизору видел? А Райка моя твои книжки до дыр зачитала. И мне подсовывала, но, каюсь, ни одной не прочитал. Деньги надо зарабатывать, однако.

Впереди показались многоэтажные свечки и серые корпуса «хрущоб». Это начиналось Запруднево – поселок, где жили рабочие шинного завода и пригородного агрокомплекса. Высокие сугробы высились по краям дороги, и машина, казалось, мчалась сквозь туннель. Снег по-прежнему валил не переставая.

– Оляля сейчас подшил, не пьет и не колется. Рожу отъел поперек себя шире, – продолжал докладывать водитель. – Его картины, слышь, в Японию ушли и в Канаду. И еще требуют. Какая-то выставка в Лондоне весной открывается, у Гришки аж пять картин берут. Он теперь и днем рисует, и ночью.

– Слава богу, – Даша перекрестилась, – я ему звонила из Питера, никто не брал трубку. Думала, уж не случилось ли чего плохого?

– Да ему телефон отключали за неуплату и свет. При свечке рисовал. А потом деньги большие получил, рассчитался. Только, дурик такой, почти все гонорары до копейки в художественную школу отдал. Заботится, видишь ли, о юных талантах, а сам в разбитых башмаках и в драной куртке бегаёт. – Водитель вытянул руку: – Да вон, гляди, однако, сам легок на помине, снег от ворот убирает.

Она почти на ходу выскочила из машины. Гриша Оляля, забросив в сугроб деревянную лопату, мчался ей навстречу, расставив руки и весело матерясь:

– Ешь твою мышь, Дашка, раззява! Откуда ты? С неба свалилась?

Он по-медвежьи обхватил ее, приподнял над землей и прижал к мощной груди. «Он и впрямь стал прежним Олялей», – успела подумать Даша до того, как Гриша принялся ее целовать, расцарапав щеки жесткой щетиной.

Наконец он соизволил вернуть ее на землю. Шапочка и сумка валялись в сугробе, шарф развязался сам собой. Даша с трудом перевела дыхание. Объятия Оляли не смогли смягчить даже два слоя гагачьего пуха.

– Ну, Гриша, ты и впрямь медведь! – произнесла она укоризненно. – Я ведь женщина все-таки, нежная и воздушная, а ты словно глину свою месишь. Все ребра мне переломал!

Оляля, закинув лохматую голову, расхохотался. Затасканный кроличий треух непонятного цвета упал в снег. Он поднял его и затолкал под мышку. Круглые веселые глаза под густыми бровями радостно шурились, разглядывая неожиданную гостью.

Даша тоже рассматривала его, не скрывая, что ей нравится, как он сейчас выглядит, хотя одет Оляля был так себе. Честно сказать, плохо одет, плохо и грязно! В толстый рыжий свитер с большим пятном на животе. Даша знала, оно от солярки, которую Гриша пролил когда-то на себя по пьяни, растапливая плиту сырыми дровами. Сверху на свитер он натянул волчью, побитую молью безрукавку мехом наружу. Стоптаные унты и старые-престарые джинсы все в пятнах от краски довершали этот весьма живописный портрет модного ныне художника Григория Оляли. Но, кажется, ему, как и прежде, было плевать и на свой вид, и на то, что его талант наконец-то оценили. И как это частенько бывает с российскими талантами, сначала его работы разглядели за рубежом.

– Ну как, Григорий? Угодил я тебе сегодня? – Водитель такси стоял уже рядом с ними и курил. – Или про товарищей тут же забыл, как только красоту свою встретил?

– Придурок ты, Константин. Ничего не понимаешь! – беззлобно отмахнулся от него Оляля. – Я с этой красотой десять лет за одной партой отсидел.

– Тогда не я, а ты, Гриша, придурок, причем полный. – Водитель покрутил пальцем у виска. – Такую девку упустил!

– Слушай, Костя, валил бы ты отсюда, – предложил Оляля и, подхватив Дашу под локоть, поинтересовался: – Сколько эта шкура с тебя сорвала?

– Двести, – засмеялась Даша, – почти бесплатно по московским меркам.

– Двести? – ужаснулся Гриша. – Ах ты, гад! – Он ринулся сквозь сугробы за пустившимся наутек водителем. Но не успел. Таксист оказался проворнее и развернул машину прямо у него под носом. Оляля некоторое время бежал рядом с машиной, ухватившись за ее капот. Снежные фонтаны из-под колес газующего в заносах автомобиля обдавали его с головы до ног. Но он не сдавался. И победил. Открылась дверца, мелькнула рука водителя, и Оляля заспешил обратно, победно размахивая отвоеванной сотней.

– Ишь ты, брандахлыст! – приговаривал он, задыхаясь. – Падла мордатая! Еще утром ко мне Мишку подвозил за сотнягу, а с тебя, вишь, двести сорвал! Я ему покажу, как на бабах бизнес делать. На шлюхах тренируйся, а мою Дашку не трожь!

Глава 3

Он опять подцепил ее под руку. Даша едва успевала перебирать ногами, зачастую они и вовсе повисали в воздухе, когда Гриша подхватывал ее под мышку, чтобы не застряла в воротах, а то чуть не внес ее на высокое крыльцо дома, в котором он провел все сорок лет своей не слишком веселой жизни.

– Заходи! – Он наконец отпустил ее и распахнул дверь.

Дом состоял из трех комнат: кухни, спальни-гостиной и Гришиной мастерской, в которую он превратил вторую половину пятистенки. В ней когда-то проживала его тетка, сестра отца. А после ее смерти лет пятнадцать назад Гриша стал полноправным хозяином всего дома.

Даша вдохнула привычные запахи масляных красок, олифы, конопляного масла. Одному богу было известно, где Гриша умудрялся доставать его в нынешнее время. И ей показалось, что она снова вернулась в детство. Вот сейчас они заберутся на чердак, и Гриша напишет очередной ее портрет.

Вряд ли какие из них сохранились. Но самый, на ее взгляд, удачный, который он написал на следующий день после выпускного вечера, висел в спальне ее питерской квартиры. И когда было особенно плохо, все валилось из рук, а жизнь, казалось, разлетелась вдребезги, Даша садилась в кресло и долго-долго смотрела на себя семнадцатилетнюю, глупую и наивную, верившую, что самое главное счастье впереди. И от души отлегалось. И правда, думала она, сколько мне еще лет? Все только начинается! Главное счастье впереди. Оно спешит ко мне, и мы обязательно встретимся.

Пока не встретились! Она горько усмехнулась. Ей катастрофически не везло на мужиков, возможно, потому, что она пыталась выстроить их под себя и тем самым изначально рыла могилу любым отношениям.

– Проходи! – приказал Оляля. – Разувайся, пусть ноги по настоящему дереву походят. – Он бросил ей в руки носки из собачьего пуха. – Надень, а то от дверей холодом несет.

Даша послушно натянула пушистые носки и даже зажмурилась от удовольствия. Правда, ее стильный наряд не совсем с ними сочетался, но в доме Оляли никто не посмел бы в чем-то ее упрекнуть или обидеть. В этих стенах она чувствовала себя спокойно и надежно, чего давно не испытывала даже в собственной квартире.

– Ночевать будешь? – Оляля спросил это как бы между прочим, не поворачивая головы. Но тем самым выдал свой несомненный интерес, ведь Даша знала его как облупленного. Сейчас он занимался тем, что развешивал ее одежду по стульям, а сам небось гадал, что за дела привели ее в его дом, зачем пожаловала столичная фифа?

Фифой он обзывал ее редко, только когда по-особому обижался на нее. Но сейчас она не могла понять, о чем он думает, почему так тщательно пристраивает пуховик и ищет место для шапочки? Вешалка в доме Оляли мало приспособлена для нормальной одежды. Она всегда забита каким-то тряпьем: старыми шубами, ватниками, облезлыми куртками из кожзаменителя. Будь Дашина воля, она давно сожгла бы весь этот хлам в печи, но знала: Лялька не позволит. Каждый, даже самый ветхий, наряд имел свое назначение. В одном Гриша таскал уголь, в другом – пилил дрова, в третьем – сажал картошку, а в четвертом копал ее по осени. Он не гнушался пробежаться в этой рвани до магазина или отправиться на этюды в ближние горы.

– Нет, ночевать не буду, – ответила наконец Даша на его вопрос. – Устроилась в гостиной. Ты ведь знаешь, почему я приехала?

– Знаю, – вздохнул Гриша, – мне Танька с раннего утра позвонила, а после Манька доложил. Только Танька сказала, что ты не приедешь на похороны. Дескать, где-то в Италии загораешь. А искать тебя по границам у нее ни денег нет, ни времени.

– Без нее нашли, – сухо ответила Даша. – И не в Италии я была, а в Москве, на ярмарке. Делов-то было, у мамы спросить!

– Да бог с ней, с Танькой! – махнул рукой Оляля. – Что, мы не знаем эту сучь?

Даша переступила порог гостиной и приятно удивилась. Кажется, жизнь Оляли и впрямь повернулась к нему лицом. Полы в доме были чисто вымыты, старенький диван накрыт новым пледом, в углу светился экран японского телевизора. В прошлый ее приезд Гриша изредка пилился в старый «Рассвет» и каналы переключал плоскогубцами.

– Не ходи в мастерскую, пообедаем, тогда я тебе настоящую экскурсию устрою! – Гриша перехватил ее руку на дверной ручке. – Есть у меня для тебя подарок, чуть-чуть не законченный, но у нас с тобой чуть-чуть не считается. Чуть-чуть не влюбился, чуть-чуть не женился... – Он нервно хохотнул, а после обнял ее за плечи и закружил по комнате. – Дашка, Дашка, что ж, ты только на поминки и вырвалась, чтоб меня повидать? Не помри Олегович, еще сто лет бы не появилась!

– Не ерничай! – рассердилась Даша. – Арефьев умер! А ты паскудничаешь, фиглярничаешь, как дешевый паяц!

– Паяц, говоришь? – Оляля скривился и отошел к окну. – Я, может, оттого и фиглярничаю, что Олеговича не стало. Может, моя душа на пару с его душой отлетела.

– Прости, Лялечка, ради бога, прости! – Даша подошла и обняла его за плечи. – Я до тех пор, пока не увижу его в гробу, не поверю, что он умер. Меня вчера к нему не пропустили. Я два часа умоляла главного врача, доллары совала, он мне чуть по морде не съездил, потом водкой напоил, но Дмитрия Олеговича так и не разрешил повидать. – Слезы потекли ручьем, и она уткнулась лицом в необъятную грудь Оляли.

Он гладил ее по голове и ласково приговаривал:

– Дашка, раззява! Зачем ты лекарю доллары совала? Тебя ж могли в ментовку забрать.

– Я не подумала. – Она всхлипнула и вытерла слезы кулаком. На нем отпечатались черные полосы. Свитер Оляли тоже был в грязных разводах. Слезы русской бабы не выдерживала никакая, даже суперстойкая заграничная тушь. – Прости, – снова прошептала она и вдруг спохватилась: – Что-то я оплошала сегодня! Надо было забежать в магазин. У тебя наверняка пустота в холодильнике, а я приехала в гости до вечера.

– Видно, Влад звонил, вот ты и слетела с катушек. – Оляля как всегда поразил ее своей проницательностью.

– Звонил, – с вызовом произнесла Даша, – и что из того?

– Он у меня недавно был. – Оляля сел на диван и хлопнул рукой по пледу, приглашая ее сесть рядом. – В знатоки искусства записался. Веселый такой, разговорчивый. Очень удивился, что я не пью, он, оказывается, с собой две бутылки «Хеннесси» приволок да закуси всякой целую корзину. Шибко богатый стал. Только все это на пару с бабой и умяли.

– С к-какой бабой? – помертвела Даша.

Оляля как-то искоса посмотрел на нее и усмехнулся:

– Да не с той, о которой ты думаешь. Но красивая, страсть прямо! А уж как перед Владом извивалась, то ножку обнажит из-под шубки, то грудью к плечу прижмется. А как выпили, так и вовсе на нем повисла. – Он посмотрел на Дашу. – Девочка, не страдай по этому мерзавцу! У него что хрен, что хвост всегда пистолетом. И, помимо той девки, наверняка еще с десятков шлюх имеется.

– Откуда эта баба взялась? – спросила Даша хрипло. Гриша, сам того не ведая, ударил ее прямо в солнечное сплетение, да так, что перехватило дыхание. И она едва обрела способность дышать.

– Да сучка одна из галереи. Новая Мишкина б... Манька ее послал, чтоб она помогла твоему Пистолетову картины в офис и в дом Марьяша выбрать. Тоже мне эстет нашелся, вздумал культуру в бандитские массы нести.

– Марьяш не бандит, – заступилась Даша за молодую акулу отечественного бизнеса. – Говорят, очень талантливый мальчик, экономический вундеркинд. У него на лбу это написано.

– Эх ты, провинция! – Оляля постучал согнутым пальцем по ее лбу. – На заборе тоже бывает кое-что написано, а заглянешь – дрова лежат. Давно известно, что одной умной головой такие бабки не сколотишь. К умной голове острые клыки и длинные когти требуются, чтобы порвать, как кобель фуфайку, всех, кто мешает. И еще хвост лисий нужен, чтоб следы замечать. Ты знаешь, какое у него погоняло?

– Погоняло? – удивилась Даша.

– Ну кликуха, кличка! Меня Паша Лайнер просветил. Марьяша в народе Хенде Хох прозвали.

– Хенде Хох? Руки вверх? – еще больше изумилась Даша и вдруг поняла и рассмеялась. – Это точно! Компания «Русские Крылья» – «РуК». – И процитировала слоган, который навяз в зубах не меньше, чем реклама пресловутого «Сникерса»: – «Русские Крылья» поднимут вас вверх, туда, где удача, туда, где успех!»

– Ага, поднимут! – отозвался злорадно Оляля. – Уже подняли! Всю Россию ручками вверх! А после на табуреточку поставят и петлю накинут! А ты, как последняя дура, вторишь этим борзописцам с экрана: «Ах, гений! Ах, вундеркинд!» Он еще в такую ж... затолкает нас своими ручонками, этот вундеркинд, увидишь потом!

– Я – дура, а ты – циник! – рассердилась Даша, хотя в душе была согласна с Олялей. Она хронически не выносила Вадима Марьяша. У нее была самая настоящая аллергия то ли на ангельский овал юного пухлощекого лица, то ли на лучезарное сияние голубых очей новоявленного олигарха, чья улыбка не сходила в последние полтора года со страниц газет и экранов телевизоров.

Юный Вадик стал прямо-таки национальной идеей, символом возрождения, ее брендом.

– Циник, Даша, циник – это ты еще культурно заметила, – расхохотался Оляля, – а вообще-то я самая последняя б..., покруче твоего Влада. Хотя я не сумел бы, как он, сначала за решетку всю эту сволочь сажать, а после перед ними на задних лапках скакать, хвостом крутить, на сладкую косточку в их руках облизываться. Скурвился твой генерал, Дашка, как последняя сука скурвился!

– Ладно, с генералами все ясно, не в швейцарии же ему было подаваться? – поморщилась Даша и поинтересовалась: – А себя ты с чего в опалу загнал?

– А, – Оляля махнул рукой, – тоже на «зелень» потянуло, словно беременную девку на соленые огурцы! Малюю теперь холсты, как по конвейеру. Будто столяр-станочник, передовик производства, сверлю, строгаю, прибиваю, краску ляпаю. Шедевры – туда, баксы – сюда! Туда-сюда, туда-сюда! Веселая жизнь пошла, только крыша от нее все сильнее едет.

– Покажи руки, – приказала Даша, – опять ширяешься?

– Дура, то ширево еще не выросло, чтоб до самой души достать! – скривился Оляля, но рукава рубахи закатал. Страшных багровых синяков и ржавых струпьев – следов от внутривенных инъекций наркотиков – не было, и Даша вздохнула с облегчением. Но на всякий случай спросила:

– В ногу небось колешься?

– А ты проверь, – улыбнулся Гриша коварно, – я покажу. Между прочим, многие сейчас в паховые вены ширяют, чтоб не так заметно было. Я ведь и штаны могу спустить. Проверяй!

– Отстань, Лялька, со своими шутками, – огрызнулась Даша, – подумай лучше, чем угощать будешь. «Хеннеси» вряд ли остался, его Владик со своей дамой выкушали, а что мы с тобой кушать будем?

– С чего на тебя вдруг жор напал? – удивился Оляля. – Или понесла от кого? – Он окинул ее критическим взглядом. – По фигуре вроде незаметно.

– Типун тебе на язык, – замахнулась на него Даша, – от кого я могла понести, от духа святого?

– Ну, я думал, раз Влад тебе звонил...

– Ага, – рассмеялась Даша, – новый способ осеменения дам. Секс по телефону имеется, почему бы тогда не придумать, как баб с его помощью брюхатить. Быстро, надежно, выгодно!

– Чего ты взбеленилась? – Оляля покачал головой. – Или задело, что я про Влада и его бабу рассказал? Это, детка, шоковая терапия, клин клином вышибают.

– А у меня, Лялька, куда ни кинь, всюду клин. – Даша закинула голову, чтобы удержать слезы, не дать им поползти по щекам.

– Ладно, прости, – Оляля погладил ее по руке. – Хватит уже страдать, что, мало добрых мужиков встречается?

– В том-то и дело, что мало, – Даша виновато улыбнулась. – Порой мне кажется, что меня приговорили к вечной каторге и отправили то ли на свинцовые рудники, то ли на галеры. Влад словно гирия у меня на ноге, когда-то даже казалось, закатится солнышко, если он меня разлюбит. А он, выходит, никогда не любил. Его ж приятели сдали, причем популярно мне объяснили, дескать, это высший пилотаж для оперативника заполучить столь ценного человека, да еще не тратить при этом на него ни копейки.

Она судорожно перевела дыхание. Оляля, насупившись, смотрел на нее, и Даша отвела взгляд. Но остановиться уже не могла.

– Я пахала на него, болела за него, переживала, рейтинги поднимала. Он же мне клялся в любви, плакался в жилетку, засыпал под теплым боком и попутно трахался с дешевой сучкой, на тридцать лет себя моложе, жрал водку на таежных заимках, парился с ней в Манькиной бане! – Она ухватила Олялю за грудки и, встряхнув, требовательно спросила: – Получается, у него с ней неземная любовь, ведь даже в Москву за собой уволок и на Ритку – мать своих детей – не посмотрел, а со мной что же было? Оперативная разработка нужной и полезной идиотки? Или это по-другому называется? Но так же скверно и пошло? – Она взяла Олялю за руку, заглянула ему в глаза: – Лялька, почему ты меня замуж не взял?

– А я чуть-чуть опоздал, – усмехнулся Оляля, – на шаг отстал. Да разве ты за меня пошла бы? Санек твой весь свет тебе затмил. Как же, косая сажень в плечах, голубые береты, десантные войска! Романтика!

– Он был первым, кто предал меня! Приятель нашептал, с такой, мол, как я, карьере не сделаешь! Надо будет жену караулить, от ухажеров отбиваться... А я ведь ни о ком, кроме него, слышать не хотела! Но он испугался, уехал, ничего даже не объяснил. Ему распределение в Германию светило.

– И где он сейчас?

– А ты будто не знаешь? – Даша печально улыбнулась. – Недавно генерал-лейтенанта присвоили.

– Да знаю, чего не знать, – Оляля обнял ее за плечи и притянул к себе. – Конечно, карьеру он сделал, я слышал, Героя даже получил.

– Получил года три назад. Я точно не знаю, но он, кажется, участвовал в разработке той операции, когда наш десант вставил НАТО пистон в задницу. Помнишь, как российские солдатики маршем по Югославии прошли?

– Я нисколько не удивляюсь, – покачал головой Оляля, – парень он башковитый.

– А я, честно сказать, даже рада, что у нас с ним не сладилось. Ну, допустим, стала бы я офицерской женой! Вечные переезды, вокзалы, общежития. Могла бы я писать в таких условиях?

– Но ты все-таки зря за своего Богатырева выскочила. Сволочь он был изрядная! Мне всегда хотелось ему морду набить!

– Может, и сволочь, но любил меня, а я, как ни старалась, полюбить его не сумела. Хотела что-то Саше доказать, а получилось, сама себя наказала.

– Ладно, перестань, – Оляля поцеловал ее в макушку и поднялся на ноги. – Давай подумаем, из чего обедо-ужин изобразим. – Он подошел к холодильнику и заглянул в его недра. – Картошка-капуста имеется, сало свиное да нога козлиная. Это меня Манька одарил. То бишь козел поделился козлятиной. Они тут на пару с Пистолетовым несколько козлов завалили, ну вот мне и перепало с барского стола.

– Ладно, не суетись! – махнула рукой Даша. – Я ведь позавтракала в гостинице. Свари, если есть, кофе. Я сейчас даже растворимого выпила бы.

– Обижаешь, – усмехнулся Оляля, – теперь у нас и на коньяк хватает, и на настоящий кофе с какавом. Смотри, – он потянулся и достал из-под вороха бумаг, валявшихся на письменном и одновременно обеденном столе, медную турку с застывшими потеками кофе, – это мне Олегович вручил. Говорит, уйду, а тебе память обо мне останется. Я его портрет писал.

– Где портрет? – быстро спросила Даша.

– Да в библиотеке, в Сафьяновской. Я на открытие им подарил. Ты ведь поедешь в Сафьяновскую, там и увидишь.

Даша взяла турку в руку. Она слишком хорошо ее знала. Темная от патины, с крошечным, выбитым на боку эдельвейсом.

– Ты знаешь, откуда турка у Арефьева взялась? – спросила она Олялю.

– Нет, – тот с удивлением посмотрел на нее, – какое-то семейное предание?

– Почти. – Даша уже не вытирала слезы, а Оляля не уговаривал ее успокоиться. – Дмитрий Олегович в плену почти два года был, раненым к немцам попал после Керченского десанта. Он ведь в морской пехоте служил. Немцы шли по палатам и тесаками рубили всякого, кто был в тельняшке, или имел якореk на руке, или бескозырку прятал под подушкой. Дмитрий Олегович был без сознания, но его спасли медсестры, успели переодеть в пехотное обмундирование. Поэтому немцы направили его в лагерь, где-то на юге Германии. Несколько раз убежал из лагеря, его ловили, избивали, а он опять бежал. Последний раз вместе с парнем-бельгийцем. Эсэсовцы гнались за ними с собаками, но они ушли по ручьям. Дело было в предгорьях Альп, в Австрии. Не знаю, по какой причине, но их приютила у себя на хуторе молодая женщина. Звали ее Анни Вайсмюллер.

– А вдруг она влюбилась в нашего Олеговича? – перебил ее Оляля. – Ты помнишь его фотографии в молодости?

– Не думаю, что в плену он выглядел красавцем. Вероятно, она приютила их из жалости. Или, скорее всего, польстилась на дармовых работников. Днем они прятались у нее под перинной, а ночью работали. Даже умудрились ей погреб выкопать. Но кто-то их выдал. Пришли эсэсовцы с собаками. Бельгийца овчарки порвали на месте, а Дмитрия Олеговича увезли полуживым и бросили с открытыми ранами на ногах в вонючую яму с экскрементами по колено. Но через несколько дней пришли американцы. Арефьева спас из ямы негр, Джимми Форестер. На руках вынес. И немудрено. Дмитрий Олегович весил тогда тридцать восемь килограммов. Представляешь, как он выглядел при его-то росте? Американцы откормили его шоколадом, сырыми яйцами, красным вином отпоили, словно чувствовали, *кого* спасают.

Она перевела дыхание. И только сейчас заметила, что Гриша держит ее за руку и вырисовывает пальцем на ее ладони замысловатые вензеля.

– Знаешь, Лялька, – Даша благодарно улыбнулась, – я часто думаю, сколько людей стремились сохранить нашему Ржавому Рыцарю жизнь, точно кто-то там, наверху, – кивнула она на потолок, – знал, кем он станет для России. Я лет двадцать назад, когда принесла ему свой первый рассказ, очень сильно робела, и все ж как у меня с языка слетело – не знаю. Говорю ему: «Вы мне Рыцаря печального образа напоминаете, Дон Кихота», а он расхохотался и щелкнул меня по носу. А потом говорит: «Да какой я Рыцарь печального образа? Я скорее – Ржавый

Рыцарь! Во мне уже сто лет пять немецких осколков ржавеют, и суставы, сволочи, при ходьбе как новые сапоги скрипят!» – и расхохотался. Так с того дня и пошло – Ржавый Рыцарь да Ржавый Рыцарь. – Даша вздохнула. – Даже не верится, что так недавно все было!

– Не отвлекайся, – попросил Оляля.

И Даша продолжала рассказывать:

– Одним словом, за месяц Дмитрия Олеговича поставили на ноги. Предлагали ему остаться в Америке, предупреждали, что его ждет на родине, но он не послушал и вернулся, сам понимаешь, в воркутинские лагеря. Правда, перед возвращением негр, который спас Дмитрия Олеговича, свозил его на хутор к Анни. Но хутор, оказывается, сожгли эсэсовцы, а Анни увезли неизвестно куда. На пепелище Арефьев и отыскал эту турку. После он пытался навести справки о женщине, но напрасно. В худшем случае ее убили, в лучшем – просто вышла замуж. А Джимми нашелся, лет пять назад. Арефьев услышал знакомую фамилию по телевизору. Тот, оказывается, стал миллионером и конгрессменом.

– Про Джимми я знаю. Тут такой переполох был, когда он к Арефьеву прошлым летом приезжал. Олеговичу тотчас шикарную квартиру в городе дали с полной экипировкой, но он в ней только гостя раз и принял, а после закатились в Сафьяновскую. Говорят, Форестер дар речи потерял от тамошних красот и сырьевой базы.

– Так Дмитрий Олегович не жил в городской квартире?

– Говорю тебе, носа ни разу не показал после встречи с Форестером.

– А что за скандал был с персональной пенсией?

– Да все наши местные «думари». Кто-то предложил Арефьеву по три тысячи рублей к пенсии доплачивать, а они не проголосовали. После Вадик Марьяш примчался, свору телевизионщиков за собой приволок, этаким шоу-балет устроили на всех уровнях. И давал три куска, уже не рублей, а «зеленых», но старик отказался. Заявил, что привык зарабатывать на хлеб собственным горбом. Однако Паша Лайнер всех обставил. Денег не стал предлагать, знал, что у него тоже не возьмет, но пока Арефьев был с ответным визитом у Форестера, пригнал бригаду рабочих, и за месяц из развалюхи картинку сделали. Достроили второй этаж, кирпичом обложили, баньку соорудили, теплицу, все удобства подвели, асфальт, освещение... Дед приехал, руками всплеснул и на Пашу матом... А тот ржет, ничего, мол, Олегович, как-нибудь переживешь. Внутренности избы они все-таки сохранили. Как-никак единственная память о родителях.

– Хулиган! – рассмеялась Даша. – Авантюрист и хулиган!

– Пашка-то? – Оляля покачал головой. – Он после мне говорит, вот, мол, Дашка все твердит, что я – обалдуй и мастер художественного свиста. А ведь никто даже не подумал, каково старику в его хибаре живет, а я подумал.

– Обалдуй и хвастун! – улыбнулась Даша. – Как он?

– Про тебя каждый раз спрашивает, только велит тебе не говорить. Жаловался, что ты обозвала его загребушим, никчемным мужичонкой!

– Обозвала, только ты тоже не выдавай, что жалею об этом. Зря я на него набросилась. При всем его благополучии и кандибобере он все-таки глубоко несчастный человек. Конечно, Паша ни за что в этом не признается, но я кожей чувствую. А в тот раз он попал мне под горячую руку, вот я и выдала ему по полной программе – и мыльный пузырь, и никчемный мужичишка. Теперь самой стыдно.

– Да уж, – Оляля покачал головой. – У него в кабинете книжки твои видел, а на столе фотографию. Правда, он при мне ее на стол фейсом вниз положил. Но лучше бы этого не делал, я ведь не удержался и подсмотрел. Думаю, что за прикол, кого он прячет? Лилькин портрет с девчонками у него в шкафу стоит за спиной. А твой – на столе слева. Что бы это значило? Ближе к сердцу?

– Ты же сказал, прикол! Игра такая, он его наверняка не только от тебя «прячет». Паша, как всегда, в своем репертуаре.

– Ладно, кончай трепаться, – Оляля обнял ее за спину. – Пошли на кухню. Там у меня где-то кусок сыру завалился. Ты займешься бутербродами, а я кофе замастрячу.

Глава 4

Господи! Как давно она не бывала в мастерской у Ляльки! За два года ее отсутствия почти все прежние картины исчезли. Зато появились новые. Буйство красок, абсолютно ирреальные сюжеты... Не каждому понятны эти порожденные разумом и кистью слегка сумасшедшего художника полотна – слишком фантазмагорические и скорее похожие на детские сны – такие же воздушные и прозрачные, исполненные полета и первозданной чистоты.

Даша прошлась по мастерской, покачивая удивленно головой и даже всплескивая руками перед некоторыми холстами. Одни из них оказались еще не закончены, других едва-едва коснулась кисть художника, две или три картины были уже в багете, а еще несколько стояли у стены, упакованные в картон и холстину. Эти явно приготовили к отправке, и Даша не посмела попросить Гришу распаковать их. Ей вполне хватало того восторга, который она испытывала всякий раз при виде любых работ Оляли.

На веревке, протянутой через всю мастерскую, висели на прищепках большие и малые листы ватмана – целые кипы, отчего веревка основательно провисла, и Даше всякий раз приходилось пригибаться, когда та мешала ей путешествовать по мастерской. Это были карандашные наброски, эскизы, на столе тоже валялись вороха бумаг, куски фанеры с засохшими на них разноцветными кляксами, стояли какие-то плоские и стеклянные банки с застывшей на дне олифой. Сквозь нее, как мухи в янтаре, просвечивали окурки, пробки от пива и сморщенный огузок огурца – воспоминание о прежних пристрастиях владельца мастерской. Картонные листы с писанными маслом и акварелью этюдами нашли себе место на подоконнике и под столом. Оляля обожал работать на пленэре, но его пейзажи, выполненные в традициях классической школы, все же не шли ни в какое сравнение с теми сюрреалистическими сюжетами, которые рождались в его голове чаще, чем котята у дворовой кошки.

Даша остановилась возле одного холста, второго, третьего и в изумлении повернулась к художнику.

– Лялька, с чего тебя вдруг потянуло на НЛО? «Девушка с собакой НЛО», «Встреча НЛО с Россией», «Контакт третьей степени», «Контакт четвертой...». Сплошные внеземные контакты. Неужто заказ из космоса получил?

– Да ну тебя! – Гриша почесал в затылке. – Помнишь, как древние греки говорили? Вино надо пить, а не рассказывать о его вкусе, и картины нужно смотреть, а не объяснять, что художник хотел выразить тем или иным сюжетом. Каждый по-своему чувствует и понимает. Допустим, признаюсь я тебе, что мне хотелось сказать вот этой холстиной, – кивнул он на «Россию...». – Стоит наша Родина-матушка в образе прекрасной, но очень печальной женщины в глубокой задумчивости на распутье. Уже сотни лет трясут ее, как грушу, то войны, то дворцовые перевороты, то революции. И посланцы внеземной цивилизации, эти маленькие лиловые человечки, возможно, помогут большой женщине – России выйти из заколдованного круга...

– Глупости, опять надежда на чужого дядю! – рассердилась Даша. – У тебя, Оляля, чисто русское восприятие действительности.

– Я – не москаль, я – хохол, – Гриша погрозил ей пальцем, – не оскорбляй мое национальное достоинство.

– Не юродствуй! – прикрикнула на него Даша. – Что за иждивенчество? Только нам НЛО не хватало! Помощнички!

– Так то ж аллегория! – сконфузился Гриша. – Я понимаю: никто не даст нам избавленья: ни бог, ни царь и ни герой... Тем более Марьяш или мои энлэошки. Но признайся, здорово получилось! И не рассупонь я тебе идею, ты бы стояла и пускала слюни от восторга. Так что ничего я тебе рассказывать не буду, сама соображай. Тем более твоя соображаловка моей сто очков вперед даст!

Даша покачала головой, но промолчала. Зачем спорить? Она не критик, она потребитель Лялькиных картин, потребитель той энергии, которая родниковой водой, сполохом солнечного луча проникает во все клеточки твоего организма, очищает душу и позволяет пролиться слезам, которые копились в груди слишком много лет и, кажется, чуть не утопили тебя.

– А «Банька» где? – оглянулась она по сторонам. – Неужели продал? Обещал ведь?

– Нет, не продал, я ее Лайнеру подарил.

Даша нахмурилась.

– Лучше ничего не мог придумать?

– А он, представь, сразу понял, о чем она. «Дашка!» – говорит, и поцеловал тебя в плечико. Потом отставил и долго так смотрел, вздыхал, даже прослезился. Я, говорит, ее себе в комнату отдыха повешу. После всей этой грязи чистоты хочется, хоть впрямь баню в кабинете заводи. И расхохотался, а глаза, как у больного теленка.

Даша на мгновение закрыла глаза. «Банька» была ее любимой картиной. Из тех первых, где все женские лики были на одно лицо. Ее лицо. Паша не зря узнал ее. И чистоты не зря захотел. Слишком много грешил Павлик Лайнер в своей жизни. Но как бы нам ни хотелось забыть прошлые ошибки, от них уже не избавиться. И пусть на картине Оляли приземистая деревенская банька слишком явный символ чистилища, но и без подсказки ясно, что не каждому суждено его преодолеть и подняться выше, туда, откуда серебристым маревом спускается на нас неземная благодать и чистота в образе прекрасной девушки, возлежащей то ли на полке, то ли на облаках... Внизу беснуются темные силы, кривляются злобные рожи, дуют, закручиваясь в спираль, черные ветры... Сменяются дни и ночи, и время тоже закручено в крутую спираль вечным противоборством черного и белого, грязного и чистого, верности и предательства, любви и ненависти...

Даша вздохнула. Ей было жалко картину, которая осела где-то в тайных глубинах Пашиного кабинета. Она всегда казалась Даше олицетворением пронзительной свежести, щемящей грусти и прозрачности осеннего воздуха, которых ей не хватало. И место «Баньке», конечно, или в просторных галерейных залах, или здесь, в родной Лялькиной мастерской, где она доступна многим, а не только тяжелому взгляду Лайнера.

И тут словно иголка пронзила ее мозг. Она вспомнила свой сон. Тот самый, перед пробуждением.

– Слушай, Лялька, я сегодня странный сон видела.

Торопясь и сбиваясь, словно боялась забыть, пересказала его Оляле. И про диадему, и про злобную старуху, и про баньку не забыла, где она увидела живым Ржавого Рыцаря.

– Странно он мне как-то приснился. Часа три прошло, как он умер, а я его так хорошо увидела и голос услышала чисто-чисто, словно он рядом стоял.

Оляля взял ее руки в свои ладони и слегка сжал.

– А это его душа только через три часа к тебе пробилась. Напоследок предупредила, чего бояться надо. Много раз и гнаться за тобой будут, и угрожать, и оскорблять... Но ты подняла эту диадему, эту корону. И не упускай ее, не отдавай... Ржавый Рыцарь не зря сказал: «Не предавай!» Память о нем не предавай, любовь, дружбу...

Даша уткнулась лбом в Гришину грудь и заплакала.

– Я не знаю, как жить без него! Ни одного светлого пятна впереди...

– Это ты зря! – Оляля ухватил ее за уши и довольно сильно дернул. – Прекрати выть! У тебя парни еще не устроены, мама... Меньше о себе думай! И потом, давай разберемся, с чего это тебе вдруг светлых пятен не хватает? Арефьев умер, так и мы когда-нибудь умрем. Но он помог тебе стать сильной, цель в жизни определил. Ты – талантливая, красивая, молодая. У тебя – замечательные мальчишки, мама не болеет. Ты не голодаешь, не страдаешь смертельными болезнями, твои книги идут нарасхват. Тебя любят замечательные мужики, я и Лайнер. Другое дело, что тебе на нас начхать, а то, что Пистолетов бросил...

– Это не он меня бросил, это я его бросила! – Даша по-детски шмыгнула носом и вытерла кулаком слезы.

– Правильно, так ему, козлу, и надо! – Оляля поцеловал ее в лоб и погладил по спине. – Пошли, Дашка-фисташка, сюрприз смотреть. Чуток всего не успел, но ты должна оценить.

– Тоже небось на продажу приготовил? – спросила ворчливо Даша.

Оляля усмехнулся и направился к завешенному простыней углу мастерской.

– Гриша, а «Алену – фею каньона» и «Цветок в саркофаге» ты кому продал? Надеюсь, не Пистолетову?

– Обижает! – Оляля хитро прищурился. – Честно сказать, я ему ничего не продал. Мелочно, правда, но за тебя отомстил. Шибко мне не понравилось, как он с этой девкой обжигался. Знал ведь, что тебе расскажу.

«На то весь спектакль и рассчитан», – подумала Даша, но вслух удивилась:

– А как же Марьяш? Зачем с ним-то портить отношения?

– А хрен мне на них положить! – лихо подмигнул ей Оляля и, отодвинув простыню, склонился в шутовом поклоне. – Проходите, сеньора. Сюда всяким Пистолетовым и Манькам-Танькам путь заказан. У меня тут все вместе – и молельня, и кумирня, и алтарь...

Он придержал простыню и отпустил ее, словно загородился от всего, что уже не принадлежало ему. Сюда не долетали звуки суетного мира, тут не толкались в очереди корысть и обман. Здесь сохранился кусочек того душевного пространства, где Грише Оляле было легко и спокойно. Но как же он мал оказался и как ничтожен этот кусочек – уголок, отгороженный столь ненадежным занавесом, как простыня.

Даша огляделась. Небольшой круглый столик на одной ножке, такие раньше стояли в будуарах, притулился у подоконника. Его закрывала пожелтевшая от времени, вязанная крючком кружевная скатерть. На ней в керамической вазочке – букетик сухих цветов, а слева от окна полотно – картина, тоже прикрытая простыней.

Она взяла вазочку в руки и удивленно покачала головой.

– Эдельвейсы? Откуда?

Оляля подошел к ней, коснулся сереньких, невзрачных лепестков пальцами.

– Гляди, насколько совершенное создание. Не яркостью берет, собака, не запахом, а смотришь, и взгляд не оторвешь. – Он поднял глаза на Дашу. – Я ведь думал, эдельвейс – это что-то вроде Каменного цветка Бажова. Красоты неопишущей! Попросил одного знакомого, он на Кавказе в командировке был, привезти хотя бы один цветочек. Привези, тятенька, Олялюшке аленький цветочек! – пропел он дурашливо. – Вот и привез. Я посмотрел и расстроился, у нас этого добра повсюду на холмах да в скалках хоть пруд пруди. Вот так всегда получается, ищем за тридевять земель, а у себя под ногами не замечаем.

– А я знала, – сказала Даша, – мне Дмитрий Олегович рассказывал. Я его спросила, что за цветочек на турке выгравирован, и он мне целую легенду преподнес. Якобы звезды – это глаза неба. Иногда они срываются со своих мест и летят на Землю, чтобы рассмотреть ее ближе, понять, что ее отличает от остальных планет, чем она особенна? Часть из них падает на камни, песок и превращается в эдельвейсы, другие, редкие счастливицы, успевают приземлиться в сердце человека, и тогда он начинает видеть мир Глазами Неба. Это – особые люди, с особым даром... Я думаю, именно Ржавый Рыцарь был Глазами Неба, помнишь, какие они у него были ясные, даже в восемьдесят лет?! И с очками он стал читать только два года назад...

Оляля покачал головой.

– Говорят, если человек на верном пути, то ему помогают все боги Земли. Смотри! – Он сдернул покрывало с висевшей на стене картины.

Даша охнула.

– Лялька, что это? – и отступила назад.

Картина была невелика по размерам. На заднем плане плыли в зыбком мареве горные вершины, на переднем – выжженная солнцем азиатская степь. Серовато-желтые тона, бурые скалы, и если бы не редкие менгиры¹ на пологих вершинах курганов, то похоже на библейский пейзаж, земля древней Палестины...

А над жухлыми травами вытянулся к багровым небесам то ли огромный серебристый цветок, то ли кокон гигантской бабочки, в котором застыли три женские фигуры в белом и черном одеянии – в профиль и в красном – анфас. Застыли в причудливых, почти скорбных позах. Черная и белая склонили головы, а руки их безвольно повисли вдоль тела. И лишь красная, в центре композиции, не сдалась, вырвалась из серебристого плена. Пока видны были лишь развернутые к небу ладони и лицо – самое яркое пятно на картине – с огромными, каре-зелеными, заглядывающими в самую душу глазами. Женщина смотрела слегка исподлюбя, словно спрашивала, можно ли доверять этому миру, который она сумела открыть для себя, разорвав прочную, похожую на паутину оболочку, чьи неровные, вывернутые наружу края, как причудливый багет, обрамляли самый удивительный из всех виденных Дашей портретов.

– Гриша, что за глюки? – Даша подошла к картине. – Я что, по-твоему, дохлая муха, жертва разбойного нападения паука? А это что за дамы, соседки по камере? Или по паутине?

– Тебе не понравилось, – не спросил, а печально констатировал Оляля. – Зря я надеялся, что ты не изменилась. Ты стала такой же, как эти чинуши от культуры. Им тоже все надо объяснять...

– Я не изменилась, – покачала головой Даша, – просто я не хочу показать тебе, как я потрясена. Гриша! Ты понял во мне то, что я сама не сумела понять. Но я разберусь, я обязательно разберусь. Прости, если обидела тебя! Прости! – Она прижала ладони к груди и опять перевела взгляд на картину. – Господи, какой взгляд! Я не могу объяснить! Я только чувствую! Взгляд Евы или Мадонны, а может, и той и другой, вместе взятых. Гриша, ты не должен был давать Ей мое лицо. Это кощунство! Это святотатство!

Оляля подошел и обнял ее за плечи.

– Ты, девушка, сама себя не знаешь! Но я рад, что ты прозрела!

– Гриша, как ты ее назвал?

– «Эдельвейс. Глаза Неба», – сказал Оляля.

– Гриша-а! – протянула печально Даша. – Я понимаю твои аллегории, они – прекрасны, но ты же обещал не рисовать меня на своих картинах?

– Обещал, – нахмурился Оляля, – но я мог написать твой портрет тебе в подарок? Такой, какой я тебя вижу? И не теми двумя фарами, что слишком однозначно все воспринимают, а третьим глазом, что работает на уровне подсознания...

– Почему ты не говорил, что Арефьев тоже рассказывал тебе эту легенду? – спросила она тихо.

– Мне важно было знать, как ты ее закончишь.

Даша подняла глаза.

– Мне не нравится ее конец. Глаза Неба, по легенде, изгой общества. Их дар – их проклятие, за это их преследуют, за это их убивают. Но душа подобных людей воистину бессмертна. После смерти тела Глаза Неба находят другого человека, чья душа сродни тому, кто умер. Сквозь души скольких людей должна промчаться эта звездочка, чтобы понять, зачем человек живет на Земле, каково его предназначение? Каков был изначальный смысл нашего появления на Земле? Зачем мы пришли? И почему уйдем? – Она обняла Гришу. – Теперь я вижу, ты тоже Глаза Неба...

¹ Вертикально врытый в землю высокий камень – культовый памятник эпохи энеолита.

– Нет, я – скорее земной засланец, Штирлиц долбаный. Я эту тайну подслушал и почти сдал ее со всеми потрохами, но в последний момент одумался и зашифровал. Только ключ к шифру потерял, а без него сам не пойму, что к чему.

– Ты сказал, что не закончил картину?

– Ах да! – улыбнулся Гриша. Он достал из кармана маркер и на обратной стороне холста написал размашисто: «Дашке – моей неуловимой и любимой подружке – от Ляльки», поставил год, число и пририсовал маленькую матрешку. – Вот теперь все. – И вручил ей картину. – Бери, пользуйся, Дашурка!

– Матрешка? – Даша коснулась пальцем крошечной фигурки. – Это твой талисман?

Оляля мгновение смотрел на нее, затем нагнулся и достал из-под столика большую матрешку с тупым, сонным лицом.

– Это – моя лень, – пояснил он, ткнув в нее пальцем, а затем принялся вытаскивать одну матрешку из другой: – Это – моя жадность! Это – трусость! Это – лживость! Это – склонность к вину и наркотикам... – Наконец осталась одна, самая крошечная, с палец величиной. Оляля положил ее на ладонь и поднес к Дашиным глазам. На нее глянул паяц с наполовину плачущим, наполовину смеющимся лицом. – Вот видишь, кто я на самом деле. – Оляля криво усмехнулся. – Я точь-в-точь этот бродяга, плачу, когда мне смешно, и смеюсь, когда завывать хочется.

– Гриша, – Даша протянула ему картину. – Спасибо тебе! Но пусть она пока побудет у тебя. Я заберу ее перед отъездом. Сам понимаешь, ей не место в гостинице.

– Хорошо, – обрадовался Оляля, – честно сказать, я и сам еще не готов с ней распрощаться. Пусть на стенке повесит, а душа постепенно привыкнет, что она уже не моя.

– Душа?

– Нет, картина, – рассмеялся Оляля и взял Дашу за руку, – а теперь пошли козлятину есть на вертеле.

И они опять вернулись в тот мир, где всю царствовали ароматы жареного мяса, лука и специй – запахи не всегда уютного и дружелюбного мира, который оба любили превыше всего...

Глава 5

Даша вернулась в город, когда его с головой накрыли ранние сумерки. Метель почти прекратилась, но с неба валилась мелкая, как пшено, снежная крупа. Похожие на рыжих мастодонтов снегоуборочные машины и почти старорежимные дворники с огромными фанерными лопатами и лохматыми метлами продолжали работать, не справляясь со снежными заносами, в которых, как гигантская подводная лодка, затонул Краснокаменск. Похолодало, и только мутные желтые пятна огней указывали, что город еще жив. Такси, которое Оляля вызвал ей по телефону, едва пробилось сквозь бесконечные пробки на дорогах. Водитель шепотом матерился, тормоза на скользком асфальте держали плохо, и старенькую «Волгу» несколько раз заносило в сугроб, когда под самым ее носом внезапно возникали габаритные огни очередного товарища по несчастью. Общественный транспорт встал на якорь, и отчаявшиеся добраться домой люди бросались под колеса автомобилей с зажатыми в руках купюрами. Судя по их цвету и количеству, ставки росли здесь быстрее, чем курс доллара во время дефолта.

Но с Даши таксист взял по-божески, триста рублей, тем самым сведя на нет старания Оляли удержать местные тарифы в узде. И подвез к самому подъезду гостиницы, несмотря на то что тетки в оранжевых жилетах, грузившие поблизости грязный снег в коммунхозовскую машину, выругали их обоих.

Поднимаясь по ступеням гостиничного крыльца, Даша заметила рядом с входными дверями телефон-автомат и только сейчас вспомнила, что так и не позвонила Гусевым. Она хотела попросить у Михаила машину. Недавно он купил себе шикарный «Ланд Круизер», Танька ездила на «девятке», но Даша знала от Оляли, что они до сих пор не продали свою первую машину, и надеялась одолжить ее на время, чтобы съездить в Сафьяновскую на похороны Арефьева.

– Ладно, позвоню из номера, – решила она и подошла к стойке администратора за ключом.

Яркая холеная дама-администратор тотчас узнала ее и, многозначительно улыбнувшись, почти пропела:

– А вас уже ждут в номере, Дарья Витальевна!

– Кто? – опешила Даша, рука, протянутая за ключом, повисла в воздухе.

– Велено не говорить, – дама покачала головой, – сюрприз, да еще какой!

– Вообще-то я не люблю сюрпризы, – нахмурилась Даша, – и впредь вас прошу моими ключами не распоряжаться. Я никого не жду в гости и не уверена, что этот сюрприз будет для меня приятным!

Дама застыла с открытым ртом и проводила Дашу взглядом до самых дверей лифта. И когда створки захлопнулись, подняла трубку, набрала номер, быстро сообщила:

– На подходе! – и бросила трубку на рычаг.

Наблюдавший за ней охранник усмехнулся:

– Сердитая дамочка!

– Зажралась больно, – выразилась в сердцах администратор и, достав помаду, подкрасила губы. Оглядев себя придирчиво в зеркало, добавила: – Уж я бы этот сюрприз из рук не выпустила!

Даша вошла в номер. Никакого сюрприза не было. Влад по-домашнему, без пиджака и в одних носках, сидел в кресле у стола, который был сервирован тоже почти по-домашнему. Владислав Макаров был из тех людей, которые мгновенно соорудят шикарный стол, нисколько не гнушаются откупоривать бутылки, нарезать хлеб и колбасу хоть в компании бомжей, хоть дипломатов.

– Привет, – сказала она весело и, остановившись на пороге, прислонилась к косяку. – Присел?

Макаров поднял брови. Ее веселый тон его не обманул, и бывший генерал насторожился. Но тоже виду не подал.

– Привет! Как видишь, присел, но намерен остаться здесь надолго, пока ты не выслушаешь меня.

– Чудесненько! – Даша от порога метнула сумочку, следом полетели шапка и рукавички. Все это добро благополучно приземлилось на диван. Расстегнув пуховик, она прошла и тоже села рядом с ними, но на удалении от гостя.

– Где ты была? – Влад смотрел на нее тем самым взглядом, на который она когда-то так дешево поймалась. Мягкий, ласковый, обволакивающий... Комок подступил к горлу... Даша едва справилась со спазмом, но все же сумела сохранить улыбку и безмятежность тона.

– Олялю навещала.

– Могли бы съездить вместе. – Пальцы Влада выбили дробь на столешнице. – Я давненько его не видел.

«Волнуешься, Пистолетов, – подумала она со злорадством. – Трусись...» – но вслух произнесла вполне доброжелательно:

– Если вздумаешь его навестить, не бери «Хеннеси», он теперь абсолютно не пьет.

На лице Макарова заходили желваки. В глазах что-то блеснуло и пропало. Он открыл было рот, но Даша поспешила закрепить победу:

– Ты, говорят, заделался знатоком искусства? Это тоже входит в твои должностные обязанности?

– Нет, не входит, – произнес он сквозь зубы. – Жена Марьяша разглядела в Мишкиной галерее картины Оляли и решила непременно их купить.

– И ты подсуетился?

– Григорий отказался продать картины, – глаза Влада сузились. – Но я не могу понять твой интерес.

– Интерес? – Даша поднялась на ноги и окинула Макарова взглядом. «Крепкий, холерный, лицо немного одутловатое, а так совсем еще ничего для своих пятидесяти смотришься, товарищ генерал», – пронеслось у нее в голове, но комплименты она предпочла не озвучивать, так же как и восторг по поводу его нового прикида. На спинке стула – дорожный пиджак, рубашка – тоже штучный экземпляр, запонки с бриллиантами, как неменный атрибут провинциального нувориша, да и туфли у порога стоят никак не меньше его прежней полугодовой зарплаты... И все ж не это удивило ее. Наручные часы... Она еще с порога разглядела их и была уверена, что Влад выставил правую руку с часами напоказ намеренно. Швейцария, эксклюзивный вариант, она боялась даже представить их цену...

Даша выругалась про себя. Владик решил сразить ее наповал, но она тем и славилась, что ни один человек на свете не знал, каким образом поразить ее воображение. Так что сногшибательный наряд Пистолетова только поднял в ней волну тихого пока раздражения.

– Интересно, – повторила она, – значит, первая ходка не удалась, и ты решился на беспроектный вариант – использовать меня и мою дружбу с Олялей? Но учти, у тебя это не пройдет.

– Подожди, – уставился на нее Макаров, – с тобой не соскучишься. Моментально завела разговор в то русло, которое мне абсолютно не интересно. Баба Марьяша спокойно приобрела три картины Оляли на аукционе. Так что его капризы нам всем по барабану. Я пришел, чтобы повидать тебя. Ведь мы так давно не виделись.

– Тогда объясни, по какому праву ты ворвался ко мне в номер? – спросила Даша вкрадчиво и наконец-то сняла пуховик.

– Я не врывался. Администратор сама предложила подождать тебя в номере. Как видишь, меня здесь помнят...

– С администратором я еще разберусь! К твоему сведению, ты не тот человек, которому я позволила бы прийти в мой номер без приглашения, и тем более завалиться в него без спросу. Вдруг я не одна, а с мужчиной, или у меня в столе остались важные документы?

– Даша, – сказал он устало, – скажи еще, что я вполне могу стащить твой кошелек или колготки! За кого ты меня принимаешь? После меня у тебя никого не было и нет. Ты – красивая, умная, сексуальная женщина. Я не верю, что ты обходилась без мужика. Но, стыдно сказать, я не сумел его вычислить. Если только Паша Лайнер? Но ты с ним полгода уже в ссоре.

– Макаров! Ты приехал выяснять, с кем я сплю? Отвечу прямо: не с тобой! И прошу, забирай харчи и выметайся отсюда к чертовой матери. У меня из-за тебя мигрень и чирьи на теле высыпают. Прости, но я устала, завтра вообще предстоит безумный день. Я хочу принять душ и улечься спать.

– Я не уйду, – он поелозил задом по креслу, откинулся вольготно на спинку и, вытянув ноги, расстегнул воротник рубахи. – Я слишком долго ждал этой встречи. И сделаю все, что хотел сделать и сказать.

– Хорошо, сиди, – легко согласилась она, – но до тех пор, пока я не выйду из ванной. Если ты к тому времени не исчезнешь, я вызову охрану. И, – она замедлила шаг на пороге спальни, – оставь меня раз и навсегда в покое! То, что было, не вернуть, именно то, что испытывала к тебе я! Про твои чувства, эмоции, инстинкты и все такое прочее речи не идет. Я не собираюсь входить в твоё положение, не собираюсь тебя прощать и выслушивать твои оправдания, потому что они изначально лживы. И то, что ты сотворил со мной, амнистии не подлежит!

– Даша! погоди! – Влад догнал ее в спальне. Его ладони, теплые, сильные, легли на ее плечи. – Не горячись! Я знаю, ты – заводная! И характер не приведи господь, но ты ж всегда так слушала меня! Ты почему забыла, как нам было хорошо вместе?

Она сжала зубы, чтобы не выпустить наружу слезы, которые подступили к горлу. И все же голос ее дрогнул.

– Только не ври, – сказала она тихо, – тебе было с твоей девкой хорошо. Я же была презервативом, который использовали и отправили в унитаз. Хотя не-е-ет, ты его не выбросил. Ты его припрятал, как запасной вариант...

– Дашка, ты что, бредишь? Прекрати ерундить! – Он сжал ее плечи, притянул к себе. – Какая девка? Что за глупости? Ты ведь всегда смеялась над слухами и вдруг поверила сама? Почему ты не выслушала меня? Почему так нелепо оборвала наши отношения? Ведь нас просто намеренно столкнули лбами. Мишка рассказывал, какую бадью помоев влили в твои уши.

– Честно сказать, я Маньку зауважала, – произнесла она с горечью. – Он единственный не сдал тебя и до сих пор защищает. Но я ведь тоже не дура, чтобы меня бесконечно за нос водить. Твоя пассия была не слишком сдержанна на язык, и в институте, и в фитнес-клубе, и просто с подружками. Все это витало в воздухе, но пока ты был здесь, ко мне боялись лезть с разоблачениями. – Она замотала головой и уперлась ладонями ему в грудь. – Отпусти. Я все это пережила, переболела, перемучилась, а ты заставляешь меня вернуться в те дни, когда я чуть не умерла. – Она подняла на него глаза, и видно в них было нечто такое, что он не выдержал и отвел взгляд.

– Чепуха полнейшая, – сказал он, – я даже не понял ничего из того, что ты прокричала по телефону. Позвонил Михаилу на следующий день, и он мне объяснил...

– Что ты засыпался, генерал? Но ты молодец, долго продержался. Целых три года пудрил мне мозги и жил почти в открытую с этой девчонкой. И до сих пор живешь, даже не отрицай, я это знаю достоверно. Видно, чем-то привязала она тебя? А ведь мог и получше, и покрасивше отхватить, и не одну, с твоими-то доходами!

– Дашка, – он стиснул ее плечи так, что она чуть не закричала от боли. – Я люблю тебя, не могу, никого мне не надо. Я ведь звал тебя поехать со мной, упрашивал, но ты не согласилась! Так в чем я виноват?!

– А в качестве кого я поехала бы? В качестве пожилой подержанной шлюхи? – Даша задохнулась от ярости и на мгновение прижала ладони к горлу. Но крик сам рвался из груди. – Она, значит, смелее, она без комплексов? Взяла и рванула за тобой, молодая и малоподержанная? Влад, давай не темни, эта девочка тебе не безразлична, иначе ты не перевел бы ее учиться в Москву. Там молодых шлюшек – пруд пруди! А тут, я понимаю, совсем другое – светлое и чистое... И не стоит трепать себе нервы. Вечером не наладишь то, что не заладилось с утра!

Макаров отпустил ее и сел на кровать. Взгляд его был тяжелым, а плечи поникли вниз. Даше на мгновение стало жалко его. Но она вновь вызвала в памяти тот взгляд, которым он смотрел на свою юную любовницу, и передернулась от отвращения.

– Да, я встречался с ней несколько раз в Краснокаменске, не отрицаю, – произнес Макаров глухо, – но еще до знакомства с тобой, правда, Даша! – Он посмотрел на нее, и впервые в жизни Даша увидела слезы в его глазах. – Она возомнила, что без памяти влюблена в меня. Письма писала, встречала в самых неожиданных местах... Даже придумала, будто была беременна, а от переживаний, дескать, случился выкидыш. И не я в Москву ее забрал. Она сама приехала, причем тайком от родителей, жила на Казанском вокзале и угрожала мне, что бросится под поезд... Я, конечно, виноват, я – подлец, но до меня у нее не было мужиков... – Он прижал ладонь к глазам. – Прости, я не знаю, как тебе объяснить... Я никогда не заводил серьезных связей, никогда не давал женщинам повода строить какие-то планы по поводу наших отношений. Никаких эмоций, никаких иллюзий. И я никогда не соблазнялся девчонками. А здесь словно бес попутал. Милое, неискушенное создание, отдушина... Но с тобой все было по-другому! С тобой я впервые в жизни понял, что это значит – потерять любимую женщину.

Даша села рядом, и Макаров, помедлив секунду, обнял ее. Она прижалась к нему. Влад погладил ее ладонью по спине. Его глаза были совсем близко и смотрели так ласково и виновато. Господи, запах его тела, каждый волосок на нем, каждая ложбинка, и этот шрам на подбородке, и еще один, как звездочка, на плече, она знала – от пистолетной пули... И родинки – одна на спине, вторая под ключицей, – все это принадлежало ей, только ей одной и никому более! В это мгновение Даше было глубоко плевать и на нежное чистое создание, которое он приволок за собой в Москву, и на Маргариту – мать его детей, и на слухи, которые непременно поползут по городу, тоже плевать!.. Словом, сейчас она готова было на все наплевать, все растоптать и забыть, потому что ее Влад сидел рядом, и она хотела его так, как в той, прежней своей жизни никогда не хотела...

Голова ее закружилась, и Даша застонала, глухо, с надрывом, когда его мягкие и теплые губы прижались к ее рту.

– Дашута, Дашенька, – шептал Влад, задыхаясь. Горячие руки проникли под свитер. Она выгнулась, задрожала, и он торопливо потянул свитер через голову. Даша наконец-то открыла глаза и увидела, что он тоже без рубашки.

– Макаров, мой Макаров, – заплакала она, – зачем ты издеваешься надо мной? Ты ведь прекрасно понимаешь, я никогда не прощу тебя, вечно буду помнить, как ты поступил со мной. И сейчас я не уверена, нужна ли тебе или ты опять имеешь какой-то чисто шкурный интерес?

– Даша-а, – протянул он, нежно касаясь ее груди и целуя в губы. – Я больше двух лет бьюсь лбом о твое упрямство, как в каменную стену бьюсь. Почему ты никак не хочешь понять, что нет таких шкурных интересов, из-за которых так долго не могут забыть женщину? Вспомни, я готов был расстаться с Маргаритой, но ты ведь не захотела. Ты сказала...

– Я помню, что говорила. Наши отношения хороши, пока мы на расстоянии, но если поженимся, я с тобой подерусь на следующий день, потому что не выношу мелкого вранья и

необязательности. И потом, я не хочу, чтобы наша любовь строилась на чужих страданиях. Я терпеть не могу твою Марго, но дорогу перебежать ей не собираюсь.

– Я это уже слышал, можешь не повторять.

– Кстати, она знает о твоей девице?

– Догадывается, но молчит.

– Я ей удивляюсь, однако, судя по твоему наряду, у нее появилось, что терять. А мне, в отличие от нее, терять нечего!

Даша оттолкнула его руки, но он как будто не понял, в удивлении посмотрел на нее и вдруг навалился, вжал в постель.

– Я тебя не отпускаю. Можешь кричать, драться, вызывать охрану, я тебя не отпускаю!

Она попыталась и вырваться, и кричать. Но он зажал ей рот своими губами, и сильнее был в несколько раз. Притом он знал, как привести ее в восторг, а Дашино сопротивление еще больше возбудило его. И уже через минуту оба забыли о прежних обидах и подозрениях. Даше казалось, что они никогда не расставались, просто Влад вернулся из долгой командировки и тотчас примчался к ней...

– Вла-ад! – протянула она нараспев и погладила его по спине, когда смогла справиться с дыханием. – Я люблю тебя, Вла-ад!

Он поцеловал ее в плечо и лег рядом.

Даша натянула на него одеяло, и он полусонно и расслабленно прошептал:

– Светка, разбуди меня через час. Мне...

Дашу подбросило, как на пружинах, она соскочила с постели и сдернула одеяло на пол.

– Убирайся, мразь! Убирайся! Иначе я за себя не отвечаю!

Она кричала и плакала. Ее трясло, как в лихорадке. Влад поспешно одевался и, уже застегивая пуговицы на рубашке, наконец осмелился спросить:

– Даша, что за истерика? Что случилось?

– Случилось?! – Она схватила подушку и навернула ему по голове. Потом бросилась на него с кулаками и принялась колотить по груди, по плечам. А он даже не пытался хватать ее за руки. Стоял, большой, как скала, и молчал, как скала, отчего она завелась еще больше. И уже не кричала, а орала что было сил: – Что случилось? Трахал меня, как последнюю суку, а сам думал в это время о своей Светке? Сравнивал, сопоставлял? Ах ты, тварь!

Она вырвала брюки из рук Влада и принялась с остервенением хлестать его по лицу. Справа налево! Слева направо! От удара пряжкой ремня, который он оставил в брюках, на щеке проявилась багровая ссадина, но Влад опять почти не защищался, только стал прикрывать лицо руками.

Наконец Даша отбросила брюки, упала на колени перед кроватью и уткнулась головой в простыни, от которых до сих пор шел запах их сумасшедшей страсти. Господи, как ей только что было хорошо! И как отвратительно, пошло, гнусно сейчас! Она замычала и, ухватив простыню зубами, рванула ее! Как бы она хотела точно так же порвать свою окаянную любовь, растерзать, прикончить ее и умереть вместе с ней.

– Прости, – сказал тихо Влад, – прости, я не хотел.

Она повернулась и села, прислонившись голой спиной к кровати. Он стоял над ней уже одетый.

– Прости, – опять повторил он, – я – гниль, я – последний негодяй! Но я думал только о тебе, я все время думаю о тебе! Не знаю, как вылетело!

– Иди, – сказала она. Сил не было даже на это короткое слово. Но когда Влад уже стоял у порога, ее Влад, ее неземная проклятая любовь, она все же не сдержалась, спросила: – Скажи, честно только, без вранья! Маргарита – мать твоих детей, Светка – отдушина... А я кто? Оперативная подстилка, подсобный элемент?

Макаров посмотрел на нее затравленно, как смотрит зверь, попавший лапой в капкан. И выкрикнул яростно:

– Ты – моя душа! Душа, понимаешь? – И, хлопнув дверью, почти выбежал из номера.

Даша потянулась к халату. Надела его и вышла в гостиную. Стол был заставлен бутылками вина и закусками, именно теми, которые она всегда любила. Судя по количеству того и другого, Влад был настроен серьезно, и вполне возможно, что Мишка тоже извещен о сабантуе и ждал сигнала, чтобы внезапно возникнуть в номере и приобщиться к веселью по случаю их примирения. *Не получилось!*

Даша набрала номер администратора и попросила вернуть Владислава Андреевича, если он еще не уехал. Сама же взяла в руки пульт и включила телевизор.

– Холодно, мне с тобою очень, очень холодно! – проникновенно жаловалась стране Алла Борисовна.

А молодой насмешник Галкин с садистским видом подпевал в унисон примадонне:

– ...в водевиль какой-то превращается наша запоздалая любовь...

– Стареем, Алборисовна, стареем! – Даша всхлипнула. Обе они, что та, что другая, – «мадам Брошкины», как бы ни лепили горбатого, что счастливы безумно и всех Пистолетовых сбросили с хвоста.

Она увеличила звук. И когда Влад ворвался в номер, Пугачева и Галкин голосили, как Армейский ансамбль песни и пляски имени Александрова:

– ...давай не будем больше мучиться и отменим по такому случаю нашу «желтопрессную» любо-овь!

Даша с абсолютно сухими глазами притопывала в такт мелодии и даже весело подпевала звездной паре.

Глаза Макарова сияли.

– Дашка! – выкрикнул он и бросился к ней, расставив руки, как всегда делал при встрече, а она летела к нему со всех ног и повисала на шее. Но тут она выставила перед собой пульт и приказала:

– Стоять, генерал! И без лишних движений! – потом кивнула в сторону стола: – Забирай! Иначе все это полетит к чертовой маме за окно, а я заявлю, что это твоих рук дело. В городе тебя знают и поверят!

– Понял! – Лицо его вмиг потемнело. – Понял, сейчас прикажу!

Он вышел в прихожую и что-то быстро сказал в трубку мобильного телефона. Затем посмотрел на нее:

– Водитель заберет!

– Без меня! – Она выставила перед собой ладони. – Свое добро забирайте без меня! Я иду в ванную! – И, прихватив полотенце, гордо продефилировала мимо него.

– Даш... – Влад попытался взять ее за руку.

– Уйди! – Она ухмыльнулась и пропела: – *Я тебя лепила из того, что было! Из чего лепила, в то и наступила!* – почти ласково потрепала его по щеке. – Иди, Пистолетов, я тебя отпускаю. Но мой последний совет: вариант «чай, кофе, потанцуем» – не твой! Не впадай в лакейство, оно тебя погубит! – И захлопнула дверь ванной за собой.

Глава 6

От былого великолепия не осталось и следа. Ночью в городе разгулялся ветер, да такой, что в окнах дрожали стекла, и за несколько часов его буйные порывы сделали то, с чем не могли справиться дорожные службы и дворники. Потемнели, лишившись снежного покрова, ели, сбило иней с берез и тополей, дорожное полотно блестело, словно вылизанный языками маралов солонец. Автомобили, казалось, двигались на цыпочках, создавая пробки на всех мало-мальски важных перекрестках. Гололед! Стихийное бедствие для всех торопливых и суетливых!

Ледяные порывы ветра сбивали с ног. Редкие прохожие ковыляли, прижимаясь к домам, пытаясь, каждый по-своему, сохранить равновесие и укрыться от лобовых атак хиуса.² Зрелище это было не слишком привлекательным, к тому же передвижение по горбатым от наледи тротуарам становилось не менее опасным, чем переход Суворова через Альпы, поэтому горожане без нужды на улицах не появлялись. Общественный транспорт был забит под завязку, на остановке такси не просматривалось ни одной машины, и Даша сделала заявку по телефону.

Загнанная диспетчер пообещала машину через десять минут. Даша спустилась в вестибюль и присела на диван недалеко от стойки администратора. Предупредив, что ждет такси, закрыла глаза, приготовившись чуть-чуть вздремнуть. Она старалась не вспоминать о вчерашних неприятностях. На душе было гадко и не меньше, чем на дорогах, скользко. И все-таки не сдержалась... «Влад, Вла-ад! Как же глубоко ты въелся в мою душу!» Она прижала пальцы к вискам и застонала про себя. «Отпусти меня, не мучь! Разве тебе мало счастья с твоей девкой?» Но он не уходил, стоял перед ее глазами, как живой, и взгляд у него был... Взгляд, который преследовал ее всю ночь. Взгляд, который он бросил на нее в последний раз! Взгляд жалкой, избитой в кровь дворняги!

Влад ушел, а она весь вечер не находила себе места. Та натянутая до предела незримая нить, которая связывала их пять лет, до сих пор не лопнула. И хотя держалась на последних волокнах, Даша продолжала ощущать импульсы, которые посылала ей душа Влада. Ее лихорадило даже в ванне, хотя вода в ней была горячее, чем обычно. Даша понимала, что ему сейчас очень плохо, гораздо хуже, чем ей, но ничего не хотела менять. Довольно с нее жалости! Макаров успел сколотить целое состояние на ее любви. И не задумывался о последствиях, хотя мог предполагать, что все его шалости сходят ему только до поры до времени.

Как всякая обманутая женщина, Даша жаждала возмездия. Но самым краешком сознания, крошечным набором мозговых клеток понимала: заяви Влад о том, что расстался с любовницей навсегда, и будь он чуть-чуть настойчивей, она бы сумела его простить. Не забыть, нет! Этого бы у нее не получилось. Нельзя заставить силой отогнать от себя воспоминания о самых страшных событиях своей жизни...

Она долго нежилась в настое из трав, но ожидаемое облегчение не наступало. Давило за грудиной, и Даша понимала, что для ее сердца этот день не прошел бесследно. Однако и для Влада он стал потрясением. Очень редко генерал Макаров терпел поражения, но за последние два года пережил их несколько. Возможно, потому и голова поседела, и в глазах появилось совершенно несвойственное успешным людям выражение.

На мгновение ей опять стало жалко его. Запутался, подлец такой, в трех кустах, отсюда желание хотя бы внешне выглядеть удачливым. Возможно, он и впрямь удачлив, но счастлив ли при этом? Вряд ли! Иначе не стал бы искать с ней встречи. Конечно, она не сбрасывала со счетов его тщеславие, непомерное даже по нынешним меркам. И представляла, какой силы удар был нанесен по самолюбию Макарова, когда его сместили с того поста, к которому он

² Резкий зимний ветер (местн.).

стремился всю жизнь. Да еще она подсыпала соли на рану. Это не было простым совпадением. Никто не посмел бы сдать его с потрохами, будь он при власти...

Даша прекрасно понимала Влада, когда пыталась тогда, два с лишним года назад, смягчить его обиду, отвлечь и успокоить. Его проблемы беспокоили ее сильнее, чем свои, и поэтому она почти без потерь перенесла ту оголтелую травлю, которую по странной случайности одновременно с нападками на Макарова организовали бывшие ее коллеги и друзья. Ей всегда плохо прощали и работоспособность, и журналистское мастерство, и то, что в городе считалось престижным попасть в материал, подготовленный ее рукой. Многим не нравилось, что в эпоху всеобщего раздрая, гнусных разоблачений и расцвета популизма Дашины статьи оставались светлым пятном на фоне массовой черно-желтой писанины, которую с ее же легкой руки прозвали «гепатитом».

Когда она отошла от журналистики, а затем издала свои первые книги, их успех в Краснокаменске восприняли настороженно, посчитали за временное явление и, возможно, по этой причине упустили тот момент, когда могли бы в одночасье расправиться с ней как с писателем. А когда опомнились и набросились стаей, обвиняя ее романы в излишней сентиментальности, легковесности, а саму Дашу в работе на потребу обывателя, у нее появился надежный бастион из вставших на ее защиту читателей.

Конечно, Даша ожидала нечто подобное и знала, что в конце концов ее «закажут» или конкуренты, или местные «бонзы» от литературы, с презрением обзывавшие ее романы «коммерческим чтивом». Но не думала, что бросятся всем скопом в едином порыве смять, затоптать, уничтожить.

Поначалу она растерялась. Позвонила в издательство, и там ее живо привели в чувство. Редактор расхохоталась и велела ей не распускать сопли. «Считай, что сделан первый шаг к Нобелевской премии, – весело констатировала она. – У нас всегда так, раз принялись травить, значит, ты действительно чего-то добилась в этой жизни». И Даша поняла, что редактор права. Через неделю вернулся из Сочи Арефьев и очень гневно выступил на телевидении. Пресса примолкла, а через полмесяца к ней потянулись за интервью. Звонили и очень робко напрашивались в гости. Но она никого не принимала и вступать в дискуссии не торопилась. В то время ее больше волновали другие проблемы. Ее Влад продолжал балансировать на грани отставки... Господи, тогда она думала, что он и впрямь принадлежит ей. И как терзалась и страдала ее душа, если она узнавала новые подробности, которые только прибавляли ей боли и уверенности, что Макаров вот-вот слетит со своего поста.

Множество слухов гуляло по городу, его обвиняли в связях со спиртовой и автомобильной мафией, с незаконной торговлей лесом и нефтепродуктами, но она не верила ни единому слову, равно как и тому, что пост в Москве куплен за очень приличную сумму в баксах.

Все было гадко, мерзко, но она, как могла, поддерживала его, беспокоилась, не спала ночами... И тогда ей доложили про эту девочку, которая свободно разгуливала по коридорам главка и открывала ногой дверь в кабинет Влада, при том что у него часами ждали приема весьма и весьма уважаемые люди. И о той весьма откровенной Светкиной фотографии поведали, которая неожиданно выпала из бумаг генерала Макарова прямо под глаза уборщицы. Все рассказали, даже не упустили то, как он морщился, если передавали ее просьбу позвонить, и как впервые за эти годы велел не сообщать Дарье Витальевне номер своего сотового телефона, который он менял ежемесячно.

И тут Даша сломалась. Она была не только профессиональным аналитиком, но еще и неплохим психологом, поэтому мгновенно свела воедино кое-какие детали и проколы своего возлюбленного. Она и раньше ловила его на мелком, казалось, необъяснимом вранье и излишней суетливости, когда без предупреждения появлялась в Москве. В мозаику их взаимоотношений добавились необходимые фрагменты и явили взору совсем не ту картину, которую она по простоте душевной представляла все эти годы.

Даша мгновенно набрала секретный номер, ведь его сдали тотчас, как только Влад попросил своих помощников не делать этого.

Она не помнила, что говорила, только чувствовала, что Влад испугался. Но теперь ей не было никакого дела до его эмоций, она бросила трубку и не поднимала ее всю ночь, хотя аппарат, казалось, раскалился от звонков. Пытаясь избавиться от его пронзительно-негодующих трелей, она прятала голову под подушку, рыдала, как безумная, и только под утро догадалась рвануть шнур из розетки...

И все-таки в ее душе продолжала теплиться крошечная надежда, что Макарова оговорили намеренно, ведь это милиция, там могут состряпать любой компромат, придумать все, что угодно... Но ей немедленно подкинули доказательства. Бывший заместитель Макарова показал ей Влада, выходящего утром из московской квартиры на пару с ее соперницей. Даша не видела лица девушки, но разглядела счастливое лицо мужчины, которого так безоглядно любила, и все поняла. После целый год медленно умирала, снова принялась курить, мало писала и таяла, таяла... И только Ржавый Рыцарь сумел спасти ее от депрессии. Да еще Оляля!

– Дарья Витальевна, такси у подъезда, – сообщила администратор. Сегодня дежурила другая, весьма любезная дама. И на Дашу она смотрела с искренним сочувствием.

– Да-да, – отозвалась торопливо Даша и глянула на часы. Вместо обещанных десяти минут такси пришло через двадцать, но она не слишком огорчилась.

Церемония прощания начиналась в одиннадцать, наверняка весь местный бомонд толпится сейчас у черного входа в музей. Об этом ей сообщил Манька, который позвонил ей в номер через час после того, как она прогнала Влада. В Михаиле Гусеве, которого еще в университете прозвали Манькой, чрезмерная мягкость характера и смешливость поразительно сочетались с поистине уникальной способностью приспосабливаться к любым обстоятельствам. Всю ответственность за принятие важных решений он переложил на плечи супруги Татьяны, то бишь Таньки, с которой Даша прожила три года в одной комнате университетского общежития.

Вдобавок к тому, что он слыл одним из самых удачливых бизнесменов в городе, Миша успевал выдавать за год один-два неплохих боевика. Последние были несомненной заслугой Таньки, потому что именно она силой заставляла Михаила садиться за компьютер. Бывало даже, закрывала на замок в кабинете, но не позволяла мужу забывать, что он прежде всего писатель, а после уже владелец антикварного магазина и лучшей в городе картинной галереи. Постепенно стараниями той же Таньки Гусевы прибрали к рукам мелкое издательство и жили бы теперь припеваючи, если бы не Мишины пристрастия к тому, что отличало, по его стойкому убеждению, настоящего мужчину от подкаблучника: сауне, юным шлюшкам, бильярду и охоте.

По голосу Даша не поняла, знает ли Мишка о том, что произошло в ее номере. Но то обстоятельство, что он позвонил после ухода Влада и не поинтересовался, виделись ли они, позволило предположить, что Манька в курсе инцидента и наверняка попытается сгладить его печальные последствия.

– Чего у нас не остановилась? – спросил он подчеркнуто сердито. – Второй день в городе, не звонишь, не появляешься. Загордилась, матушка?

– Миша, я никого не хочу обременять, – сказала она устало. – Я знаю ваше гостеприимство, мне у вас хорошо, но пойми, сейчас не время выяснять отношения. Честное слово, хотелось побыть одной.

– Ну, прости, – Миша, похоже, обиделся, – с Олялей повидалась, а нам даже не соизволила позвонить. Так бы и не узнали, что ты в городе, если б Гришка не проболтался.

Даша не стала оправдываться и объяснять, что хотела позвонить попозже, но долго провалялась в ванне, а потом едва доползла до постели. И сейчас она сидела, закутавшись в одеяло, и клевала носом, желая одного: чтобы Манька наконец оставил ее в покое.

Но тот преследовал явно другие цели.

– Влада видела? – наконец спросил он сварливо.

– Видела, – вздохнула в ответ его собеседница.

– Где он?

– Понятия не имею. – Даша взглянула на часы и взмолилась: – Миша, одиннадцатый час, я умираю просто, спать хочу.

– Не сдохнешь! – цыкнул на нее Миша неожиданно сердито. – Что ты там опять натворила?

– Ничего новенького, – рассердилась она, – за что боролись со своим генералом, на то и напоролись. И будь добр, больше чтобы я не слышала ни этого имени, ни этого звания. Оставьте меня в покое!

Она с размаху опустила трубку на рычаги. И по давней привычке нырнула головой под подушку, отключившись до утра, пока в ее номер не постучала горничная. Она принесла газеты, которые Даша заказала с вечера.

С первых страниц всех местных изданий смотрело на нее такое знакомое и родное лицо, но в черной траурной рамке. Вновь ею овладели отчаяние и страх одновременно. Она должна обязательно появиться в музее, иначе ее не поймут и истолкуют ее поведение по-своему. И никому нельзя объяснить, как она боится увидеть мертвым человека, который был ей дороже, чем отец, ближе, чем самые близкие друзья...

Как всегда некстати, она вспомнила мужа. Он постоянно ревновал ее к Арефьеву, хотя был умным человеком и понимал, что между ними почти сорок лет разницы в возрасте. Даша скорее годилась Арефьеву во внучки, чем в любовницы. И все же каждая ее встреча с Дмитрием Олеговичем выливалась в дикий семейный скандал, с оскорблениями, угрозами и едкими замечаниями типа: «Свежанинки захотелось старичку, а ты, б... такая, крутишь перед ним задницей!»

Все это было гадко, несправедливо и крайне обидно. Поначалу Даша пыталась оправдываться, убеждать Богатырева в обратном, но он от этого приходил и вовсе в неопишемую ярость, а несколько раз даже бросался на нее с кулаками. Причем известие о ее романе с Макаровым принял гораздо спокойнее, обозвал дурой бабой, польстившейся на генеральские лампы, а вот дружбы с Арефьевым не простил до самой смерти.

И она догадывалась почему. Богатырев был умным, но от природы ленивым и склонным плыть по течению человеком. Он очень осторожно относился к любым ее удачам, злорадствовал по поводу неудач, а успех первой книги переживал втайне как личное оскорбление. А к Арефьеву ревновал по той причине, что ничего не мог поделать против того родства душ, которое существовало между его женой и старым писателем. И хотя постоянно давал волю древним инстинктам, иногда на пьяную голову признавал, что внутренняя культура и искренность помыслов Дмитрия Олеговича оказались сильнее не только фашистских лагерей и сталинских застенков, но и брежневской цензуры, и гоп-стопа девяностых годов прошлого уже столетия.

Воспоминания о муже окончательно выбили ее из колеи. Нельзя думать о мертвых плохо, но, как Даша ни старалась, в памяти всплывали только прошлые обиды и ни одного счастливого момента. И Даша вдруг поняла, что никогда в ее жизни не было мужчины, с которым она испытала бы восторг взаимного влечения. Влад не в счет. Слишком долго он обманывал ее, чтобы она могла поверить в его ответные чувства. И сейчас только хотела понять, зачем понадобилась ему снова...

За квартал до музея уже стояло милицейское оцепление. Машины пропускали по специальным пропускам, но не ближе площади перед мостом. Словно отара баранов, автомобили грудились на специально отведенной площадке: «Волги» и «Нивы» с номерами городской и краевой администрации, а также несколько новеньких иномарок и крутых внедорожников, один из которых, несомненно, принадлежал Паше Лайнеру. Даша отметила это по цифрам

номера. Они были одни и те же на всех его машинах, отличаясь лишь серий. Что ж, Паша мог себе позволить поразвлечься подобным образом...

У Даши пропуска не было, поэтому оставшееся до музея расстояние она преодолела пешком, сгибаясь под ударами ветра и прикрывая лицо шарфом. Несмотря на пронзительный холод и обжигающий хиус, возле музея бурлила многотысячная толпа. Усталые милиционеры пытались направить ее в нужное русло, им это удавалось, но с трудом. Лишь ближе к высокому крыльцу музея толпа сбивалась в плотную ленту, которая змеилась от самого моста, исчезала во входных дверях и вытекала на улицу с противоположного конца здания.

Даже речи не было, чтобы пробиться сквозь эту массу народа к вождьленному крыльцу рядом с черным ходом, которое защищали металлические перильца и четыре бравых омовца при полной боевой выкладке. Скорее всего, там тоже требовали пропуск, поэтому не стоило даже пытаться.

Ей стало противно до омерзения. Узнай Дмитрий Олегович, что его смерть превратили в сборище «чистых» и «нечистых», непременно бы восстал из гроба... Но не в Дашиных силах было что-то изменить, к тому же в числе тех, кто шел в общей очереди проститься с ее Ржавым Рыцарем, она заметила всем знакомые лица знаменитых москвичей и питерцев: актеров и режиссеров, художников и писателей. Мелькнуло лицо Паши Лайнера. Угрюмый, в надвинутой на глаза кожаной кепке, он продвигался следом за известным кинорежиссером, ныне депутатом Госдумы, и нетерпеливо подпихивал его в спину, если тот замедлял шаг.

Даша отвернулась. Сейчас ей ни с кем не хотелось встречаться, ни с кем разговаривать. И все же ее взгляд мгновенно выхватил из толпы небольшую группу людей. С четырех сторон, как Ростральные колонны, возвышались фигуры телохранителей в длинных кожаных пальто, а за их спинами маячил Вадик Марьяш. Одетый во все черное, новоявленный олигарх смотрел скорбно в объективы телекамер и что-то вещал, явно объяснял причину, по которой он покинул важный экономический форум в Альпах.

Даша могла бы проникнуться уважением к подобному поступку, не догадываясь она о тайных помыслах Хенде Хоха, который просматривал перспективу на добрые десять лет вперед. И поэтому заранее заботился о своем имидже. Ведь когда-нибудь этот подвиг обязательно всплывет и напомнит россиянам об истинных пристрастиях Вадима Марьяша, ставящего человеческие ценности выше материальных.

От этого на душе стало еще противнее. Ведь если Марьяш братается с народом, значит, где-то в толпе находятся Макаров и его люди, не хватало только столкнуться с Владом лоб в лоб.

На ее счастье, люди мало обращали внимание друг на друга. И, стиснутая в толпе, Даша почти забыла о своих личных неприятностях. Медленно переставляя ноги, она двигалась вместе со всеми к зданию музея. На душе было пусто. Никого не хотелось видеть и слышать. Слез тоже не было, хотя многие вокруг плакали.

Наконец длинная лента сгорбившихся от горя людей обогнула автомобиль телестудии с операторским краном, люлька которого содрогалась от ударов ветра. Вдобавок опять пошел мелкий снег, который залеплял лицо, но стало чуть теплее. Показалось крыльцо музея. Даша вздрогнула и остановилась. И стояла некоторое время, пока на нее не стали ворчать и толкать в спину. Она оглянулась. Пожилая женщина с бледным лицом недовольно пробормотала: «Вы что, милочка, застыли? Не мешайте людям...» Даша словно очнулась и стала торопливо выбираться из толпы. Нет, ни в коем случае она не должна видеть Ржавого Рыцаря мертвым. Она обязана запомнить его веселым, с живыми, ясными глазами, точно такими, как на огромном портрете над входом в музей. На ней Арефьев в морской форме. Ему лет двадцать, не больше...

Она зажимала кулаком рот, чтобы не закричать от горя, не впасть на виду у всех в истерику, и не отвечала на недовольные реплики тех, кого толкала или отстраняла с дороги. Порой не слишком вежливо, но ей казалось, что она задохнется сейчас, упадет замертво прямо под

ноги милиционерам, которые отнюдь не приветливо наблюдали за ее попытками выбраться из толпы наперекор общему движению.

К счастью, ее заметил Оляля. Он буквально выхватил ее за шиворот и протащил мимо милицейских кордонов.

– Дашка, что за паника? – проворчал он сердито, вытирая ей щеки платком, от которого несло застарелым запахом табака. – Куда тебя повело?

– Ляля, – она ухватила за него, как утопающий за буюк, – я боюсь, я не хочу видеть Арефьева мертвым. Уведи меня отсюда.

– Не сходи с ума, – Гриша заставил ее высморкаться и сунул платок в руки. – Держи! – И огляделся по сторонам.

Море людей загроудило все ближайшие улицы. Оляля искал, куда им лучше направиться. На фоне черно-серых одеяний пуховик Даши смотрелся слишком ярко, и она уже поймала несколько осуждающих взглядов. Тем более многие заметили, что она не дошла до музея... Напрасно было надеяться на то, что ее не узнали...

Честно сказать, сейчас это заботило Дашу меньше всего. И тем не менее надо было срочно искать пути отступления. Кроме того, она хотела найти Татьяну, чтобы попросить машину. Даша надеялась уехать в Сафьяновскую после обеда, чтобы ни с кем не встречаться до завтрашнего дня. До села было чуть более двухсот километров. И даже при плохой погоде она рассчитывала добраться до него довольно быстро. Хорошо бы выехать из Краснокаменска в два-три часа пополудни, чтобы поспеть до того, как стемнеет. Она знала от Оляли, что гроб с телом Арефьева привезут туда часам к десяти вечера, чтобы последнюю ночь он провел в доме своих родителей. И надеялась, что тогда уж никто не помешает ей проститься с Ржавым Рыцарем и провести ночь возле его гроба.

– Ляля, – она тронула Гришу за плечо, – мне надо как-то позвонить Таньке или Маньке на сотовый. Я хочу попросить у Гусевых машину.

– Зачем тебе машина? – удивился Оляля. – Завтра с утра пойдут автобусы. Я тебе приберегу местечко. А то поезжай с Пашей. Он обрадуется. Только свистни!

– Не хочу я свистеть и в автобусе не хочу, – насупилась Даша. – Мне надо сегодня уехать.

– Смотри, – Оляля покачал головой, – а если пурга еще сильнее зарядит?

– Не пугай, что мне, впервой... – Даша не успела закончить фразу.

Чья-то рука легла ей на плечо. Она оглянулась. Это оказался Влад. Лицо его было бледным, а взгляд – непроницаемым.

– Дарья Витальевна, – голос его звучал подчеркнуто официально, – Вадим Анатольевич желает выразить вам свою признательность за те теплые слова, которые вы сказали о нем в своем интервью.

– Какие слова? – опешила Даша. Меньше всего она думала сейчас о своих интервью и тем более теплых, сказанных в чей-либо адрес словах.

– Он вам напомнит.

Влад отвернулся и махнул кому-то рукой. Как по мановению волшебной палочки, толпа расступилась, и Вадик Марьяш явился ее взору с подобающим случаю печальным взглядом и слегка виноватой улыбкой.

– Дарья Витальевна, дорогая, – олигарх приложился губами к ее руке и участливо вздохнул: – Примите мои соболезнования. Я искренне сочувствую вашему горю. Смерть Арефьева – величайшая утрата для России.

– Скажите, Вадим, – Даша намеренно не назвала его по отчеству, – вы читали что-нибудь из книг Арефьева?

– А как же, – тот снисходительно усмехнулся, – у меня есть «Забытые под снегом» с личным автографом Дмитрия Олеговича. К тому же, если вы не в курсе, я финансировал издание его собрания сочинений.

– Значит, не читали, – Даша насмешливо посмотрела на Марьяша. И тот покраснел под ее взглядом. «Выходит, не совсем еще расплевался с совестью», – подумала она, но вслух сказала другое: – Какие ваши годы, еще прочитаете. А может, и нет. Его книги нельзя читать между делом, в метро или в самолете.

– Я понимаю, – Марьяш явно чувствовал себя не в своей тарелке, но разве он мог сдать свои позиции первым и потому продолжал с должной почтительностью во взоре: – Молодежь не успела обрести моральной закалки старшего поколения и поэтому так быстро очерствела и обездушила. Жаль, что Арефьевы уходят, а с ними уходит то, что помогает России держаться на плаву.

Даша вылупила на него глаза, удивившись слишком правильным фразам. И тотчас поняла, почему Вадим Марьяш заговорил столь высокопарно. На них уставились объективы нескольких телекамер. Неважно, что она стояла к ним спиной, главное – олигарх находился в ракурсе. Молодой да ранний, с хорошо подвешенным языком и обаятельной улыбкой, от которой таяла вся лучшая половина российского общества.

– Я вполне с вами согласна, – Даша вежливо улыбнулась. – Вы очень метко охарактеризовали роль старой русской интеллигенции. Если б вы еще читали их книги, то Россия не плавала бы в дерьме, а крепко стояла на своих ногах.

Она не видела реакции Марьяша, но по лицам телевизионщиков поняла, что ее слова попали в цель. Отвернувшись от олигарха и его свиты, Даша стала выбираться из толпы. Расстроенный ее выходкой, Оляля сердито гудел за спиной:

– Ты что, с катушек слетела? Поганок объелась? Зачем Марьяша обидела? Он ничего плохого тебе не сделал!

– Отстань! – рявкнула она. – Марьяши плачут крокодильими слезами, а сами рвут страну на куски. Это для нас Арефьев – Ржавый Рыцарь, а для них он всего лишь объект наживы.

– Что ты порешь? Какой наживы? – опешил Оляля. – Чего он мог нажать с Олеговича?

– Образ он мог нажать, образ! Образ благодетеля и радетеля! Неужели непонятно, что это даже не волчонок, а самый настоящий волчара в овечьей шкуре, ты же сам меня недавно в этом убеждал.

– Ну и что? – изумился Оляля. – При чем тут Олегович?

– Ты совсем тупой? Или прикидываешься? – Даша покачала головой и махнула рукой. – Ладно, проехали, не хватало нам подраться из-за этого Марьяша. Все ты прекрасно понимаешь, только решил меня по какой-то причине разозлить.

– Это гораздо лучше, чем твои сопли, – неожиданно улыбнулся Оляля. – Я не люблю, когда бабы режут. От этого я слабею и самому завывать хочется.

Они выбрались на набережную, где ветер и вовсе разбушевался, как пьяный в стельку «новый русский». Согнувшись под его ударами, они, точно партизаны, перебежали от одного скопления деревьев к другому, пока не достигли Речного вокзала. Здесь они нашли наконец убежище в крошечном кафе, где им подали горячий чай с лимоном и пиццу. Но кусок не лез Даше в горло. Она по-прежнему не находила себе места, а на вопросы Оляли отвечала не сразу и невпопад.

И тогда Гришино терпение лопнуло.

– А, чтоб тебя, раззява! – выругался он в сердцах и достал из кармана мобильник. – Звони хоть Таньке, хоть Маньке, но запомни, я тебя уговаривал поехать завтра утром. Если не хочешь видиться с этой сворой, я звякну Лайнеру. Он через минуту примчится, я тебя уверяю!

– Дай трубку! – Она почти вырвала телефон из рук Оляли. И набрала номер Таньки, чтобы узнать, что абонент временно недоступен. Тогда пришел черед Маньки.

– Слушаю, – произнес Гусев нежно, но она почувствовала, как он подобрался, когда понял, кто ему звонит на самом деле.

– Миша, мне нужна машина, – начала Даша без долгих подходов к теме. – Я хочу уехать в Сафьяновскую сегодня после обеда. Ты меня знаешь, твою колымагу я не обижу... Бензин, естественно, мой.

– Видишь ли, – Гусев замялся на мгновение, – у нас все колеса в деле, особенно сегодня и завтра.

– Но я прошу вашу старую машину, – произнесла она с досадой.

– Я понимаю, – протянул Гусев. Даше показалось, что он прикидывает, как ему поступить. И прикинул очень быстро: – К сожалению, она стоит у меня без колес и аккумулятора, да и карбюратор барахлит.

– Спасибо, мне все понятно, – Даша отключила телефон и беспомощно посмотрела на Олялю. – Отказал. Говорит, что разобрана. Я не ожидала...

Гриша исподлобья посмотрел на нее, затем затолкал в рот оставшийся кусок пищи и принялся сосредоточенно жевать. Даша сжимала в руках трубку мобильного, смотрела в окно, а по щекам ручьем текли слезы.

– Кончай реветь! – приказал Оляля и потянул из ее рук трубку. – Верни добро, а то грохнешь о стенку, а он мне кучу тугриков стоил. – Он подал ей пуховик и вдруг весело подмигнул: – Давай одевайся, едем ко мне! Так и быть, дам тебе свой «москвичонок». Неделю назад старикан по всей программе техосмотр проскочил, думаю, до Сафьяновки не развалится.

Даша вскочила на ноги. Не бог весть что, но все же горбатый Лялькин «москвичонок» гораздо лучший вариант, чем идти на поклон к Лайнеру. Она поцеловала Олялю в щеку, а он пробурчал сурово:

– То сопли, то вопли, то поцелуйчики! С вами, бабами, своей смертью не сдохнешь!

Глава 7

Сначала ей повезло. По дороге недавно прошлись снегоочистители, присыпали полотно песком, и хотя мела поземка, «москвиченок» легко шел под восемьдесят километров. Даша подумала, что еще засветло успеет в Сафьяновскую. На душе у нее сразу полегчало, стоило последним домам Краснокаменска исчезнуть за ее спиной. Верховой ветер разогнал облака, и небо сияло немыслимой и по-весеннему яркой голубизной.

Конечно, она могла бы спрятать дорогу и добраться до Сафьяновской через водохранилище. Но Оляля взял с нее честное слово, что она не полезет на лед. Море в этом году замерзло поздно, и под снежными заносами могли скрываться предательские полыньи и наледи.

Она и сама не решилась бы на столь опрометчивый шаг. Проселочные дороги грозили другой бедой. Можно было загнать машину по самое брюхо в сугроб и выбираться из него до морковкиных заговетов.

Первая сотня километров шла через лес, сказочный в своей красоте. Огромные ели в горностаевых шубах и шапках стояли вдоль дороги, склонив верхушки под тяжестью снега, словно важные сивобородые бояре, с любопытством ожидавшие выхода государя с молодой государыней. Малолетние елочки толпились стайками у дороги, и Даша вспомнила, что скоро Новый год, единственный праздник, который она любила. Но каждый прибавлял ей грусти: за спиной копились года, а впереди их становилось все меньше и меньше. И крошечный этот запас таял и таял, как снежок на детской ладошке.

Снова Ржавый Рыцарь ворвался в ее мысли. Чуть больше года прошло после его второго, особо страшного инфаркта. Она примчалась в Краснокаменск из Англии, но Паша успел, как всегда, первым. Встретил ее на пороге госпиталя, весь какой-то осунувшийся, словно после глубокого запоя, и, подхватив под руку, долго вел ее по этажам и коридорам к кабинету начальника кардиологического отделения и что-то бормотал про двустороннее поражение миокарда, и что он достал какое-то лекарство за две тысячи долларов, и что Олеговичу после него полегчало... В панике они где-то оставили Дашину шубу, а после долго не могли ее отыскать. Оказалось, что шубу забрал из Пашиных рук его водитель Митя и даже успел выспаться на ней. Но они оба ничего не помнили, перепуганные и почти отчаявшиеся...

Однако благодаря то ли Пашиному чудо-лекарству, то ли доброй наследственности предков, одаривших его неплохим здоровьем, Арефьев снова выкарабкался. А через несколько дней им позволили пройти к нему в палату. Дмитрий Олегович сверкал новыми зубами и весело бахвалился: «Смотрите, прямо-таки голливудский оскал, льгота репрессированному». И подмигивал: «Осталось последней воспользоваться – бесплатными похоронами». Они с Пашей бурно запротестовали, но Арефьев серьезно посмотрел ей в глаза и взял за руку: «Даша, дай слово, что обязательно приедешь ко мне на похороны!»

Она не выдержала и отвернулась. В его взгляде ясно читалось, что Ржавый Рыцарь не шутит и, возможно, знает, какой срок отмерен ему судьбой. Совсем невеликий срок. Сердце откликнулось болью, и она не сумела отшутиться, как это бывало прежде. Спас положение Паша. Он обнял ее за плечи и пробурчал сердито:

– О чем разговор, Олегович? Кто ж откажется на дурняк киселя похлевать...

Вот и пришел этот «дурняк». Скоро наступит Новый год, но уже без него, Дмитрия Олеговича Арефьева, никогда не унывающего Ржавого Рыцаря. Без его шуток и веселых подковырок. «Ну, где мои молодые годы, Даша?» – частенько спрашивал он, и эти слова были самым большим подарком для нее. Потому что давно догадалась о том, о чем он ни разу не сказал напрямую: как он жалеет об их огромной разнице в возрасте. «Там, где я под стол пешком ходила», – привычно отшучивалась она, и оба прекрасно понимали, что Даша никогда не воспримет его как мужчину в прямом смысле этого слова. Для нее он значил гораздо больше.

Кумир, фетиш, идол, которому она поклонялась не менее истово, чем язычники древним богам.

Мотор вдруг чихнул, и сердце екнуло в унисон с ним. Но «москвиченок» продолжал как ни в чем не бывало бежать по дороге, и Даша успокоилась. И только сейчас она заметила, что тайга расступилась. Бескрайняя степь распахнулась перед ней, как полы огромной бараньей шубы. С той и другой стороны дорожного полотна разлеглись похожие на горбы верблюдов, бурые от мертвой травы сопки. Пурга снесла с них тонкий покров снега, но в ложбинах таились глубокие по пояс сугробы, покрытые толстым, выдерживающим вес взрослого человека настом.

И на всем этом бескрайнем, ограниченном только горизонтом пространстве ни одной живой души: ни тебе овечьих отар на склонах холмов, ни одинокой птицы, парящей высоко в небе, ни улетающего со всех ног зайца, ни рыжей лисы, мыслющей в лесополосе. Всех разогнал злобный ветер, даже камыши вокруг небольшого озера прибил к земле.

Машин на дороге встречалось мало, и лишь единожды попался пост ГАИ, безжизненный, как и все вокруг. Хиус оказался сильнее даже служебного долга.

Но в машине, несмотря на ее преклонный возраст, было тепло, и Даша расстегнула пуховик и сняла с головы шапочку.

Дорога пошла в гору, миновала перевал и спустилась в новую долину, ровную, как тарелка. Изредка то слева, то справа от шоссе мелькали и пропадали за спиной почти идеальные по форме, но размытые временем земляные пирамиды. Это знаменитые усыпальницы динлинских князей, рыжеволосых и голубоглазых жителей тагасукских степей, до той поры, пока на эти земли не пришли конные орды Чингисхана. Где-то она читала, что здешние пирамиды намного древнее египетских. И не зря, видно, эта долина в последние годы, когда открыли границы, стала настоящей Меккой для археологов, как своих, российских, так и зарубежных тюркологов.

Даше всегда не хватало времени, чтобы посетить Долину Царей, так ее немного высокопарно называли ученые. Где-то недалеко, говорят, обнаружили неплохо сохранившийся домонгольский еще дворец, чуть дальше, в урочище Пляшущих Теней, с древних времен проводят камлание хемы – местные шаманы, а в одном из хитрых тайников в разрушенном кургане обнаружили настоящий клад из золотых и бронзовых украшений. Пришлось вызывать СОБР, чтобы уберечь его от грабителей, которые дважды пытались напасть на лагерь археологов. Все это она узнавала из газет и тем не менее оставляла знакомство с Долиной Царей на потом – ведь то, что под боком, никуда не убежит, и не подозревала, что совершает одну из самых распространенных ошибок. Гоняясь за журавлем в небе, мы зачастую выпускаем из рук синицу.

Впереди замаячили горы. На их спинах лежали мрачные снеговые тучи, которые как на полозьях скатывались вниз, затягивая рваной грязной пеленой подножие пятиглавого исполина, гольца Абдраган,³ который навис над долиной. Согласно местным легендам, именно к его вершинам пристал в доисторические времена ковчег со спасшимися после Всемирного потопа людьми и животными. Первым на землю ступил ирбис – снежный барс, особо почитаемый в этих краях хищник. Редкий и очень опасный. Его фигурка украшает герб маленькой республики, границы которой охраняет грозный Абдраган...

Но голову Даши сейчас занимали не пристрастия местных жителей, не их обычаи и не их история. Она поняла, что слишком поторопилась радоваться ясной погоде и ухоженному дорожному полотну. До Сафьяновки оставалось с полсотни километров, не больше, когда мощный снеговой заряд торпедой ударил точно в лоб ее «москвичонку». Машину подбросило, как

³ Ужас, страх (местн.).

жестянку, и Даша тотчас пожалела, что не положила в пустой багажник хотя бы с десяток кирпичей, как советовал ей Оляля.

Страшные тучи клубились почти у самой земли, резко стемнело. И через пару мгновений машина оказалась в центре котла, в котором пурга варила свое адское зелье. Свет фар едва пробивался сквозь сплошную стену снега, колыхавшуюся в их бледных лучах, как огромный занавес под порывами сквозняка. Дворники забило снегом, и они едва ползали по стеклу, а вскоре и вовсе застыли, словно поставили крест на ее попытках двигаться дальше. Даша снизила скорость до минимума и некоторое время ехала вслепую. Но сколько такая езда могла продолжаться? До первого поворота или мостика через реку? Не хватало еще слететь в кювет или, хуже того, свалиться в обрыв. В одиночку она не выберется, а надеяться на то, что какой-нибудь дурень вроде нее отважится отправиться в дорогу по такой лихоманке, не приходилось.

Она выругалась и тут же въехала в сугроб, наметенный поперек дороги. Выжала сцепление, но задние колеса крутились вхолостую, мотор ревел, наполняя кабину выхлопными газами, и она сдалась. Натянув шапочку и застегнув пуховик, Даша попробовала открыть дверцу, но ее придавило снегом. Кроме того, порывы ветра были настолько сильными, что когда она, увязнув в сугробе по колено, все-таки выбралась наружу, то не смогла удержаться на ногах и повалилась в снег. Уже на расстоянии вытянутой руки невозможно было разглядеть, что происходит вокруг. Задние огни тоже забило снегом, и лишь свет фар продолжал пробиваться сквозь дикую свистопляску взбесившейся природы. «Москвичонок» прямо на глазах засыпало снегом, и все попытки Даши очистить рукавичкой лобовое стекло не увенчались успехом.

Даша вернулась в салон. Через плохо прикрытую дверцу снег набился на сиденья, а в ногах и вовсе образовался сугроб.

Что делать? Даша достала дорожный атлас, включила свет в салоне и попыталась разобраться, где же она сейчас находится. Прикинув расстояние, взглядела в жирную линию тракта, который тянулся до границы с Монголией. Если она проехала Долину Царей, то до Сафьяновской оставалось чуть меньше сорока километров. На карте вблизи Абдрагана значилась всего лишь одна деревня. «Кирбижель» – с трудом разобрала она мелкие буквы. Но селение располагалось не по тракту, а в стороне, километрах в пяти от дороги. Даже не стоило добираться до нее пешком. Раз плюнуть заблудиться в бескрайних полях. Да при таком ветре она вряд ли сумеет пройти больше десятка метров.

Что-то темное внезапно прижалось к боковому стеклу, и она испуганно вздрогнула. «Что-то» отсвечивало красным, и через мгновение Даша поняла – это всего лишь рваный пластиковый пакет, принесенный бурей бог весть откуда, возможно, из того же Кирбижеля. «Сорвет ветром, значит, замерзну, – неожиданно загадала она, – продержится, выживу...» Пакет держался как приклеенный, и новая мысль неожиданно посетила ее голову. На заднем сиденье лежало несколько деревянных реек – заготовок для подрамников. Гриша просил их не трогать, но он наверняка простит ее самодетельность, если это поможет ей спастись.

Даша перетащила рейки себе на колени, затем вытянула шнур, стягивающий внизу пуховик, и связала их в плотный пучок. И снова вылезла из машины. С трудом, но ей удалось вогнать рейки почти до половины их высоты в сугроб рядом с багажником. Сверху Даша натянула тот самый прибившийся к машине беспризорный пакет и привязала его к рейкам носовым платком. Он сразу наполнился воздухом и забился на ветру, как красный пионерский флажок. Буря редела и рвала его, словно дикий зверь когтями, тем не менее Даша надеялась, что ее сигнал бедствия продержится какое-то время... Окрыленная своим маленьким успехом, она вернулась в машину. Теперь, по крайней мере, любой идущий со стороны Краснокаменска автомобиль не врежется в задницу «москвичонка»...

Двигатель работал, и все же ноги стали замерзать от настывшего на морозе днища. Кроме того, она понимала, что угарные газы постепенно наполняют салон, и, подумав, повернула

ключ, выключая двигатель. Боковые окна почти мгновенно затянуло кружевом изморози, и Даша не видела, держится ли пакет или его давно сорвало ветром.

В салоне ощутимо похолодало. Из рта шел пар и оседал инеем на внутренней обивке автомобиля. Даша достала из сумочки блокнот и ручку. И обнаружила рядом с ними небольшой сверток. Это Гриша сунул ей в дорогу пару бутербродов с маслом и сыром. Озябшие руки слушались плохо, в одной она держала бутерброд, а другой торопливо нацарапала несколько номеров телефонов. И, не сдержавшись, быстрыми штрихами изобразила шаржированную фигуру Арефьева в нелепых старинных доспехах и шлеме, ее когда-то придумал Ляля, и подписала «Ржавый Рыцарь», словно попрощалась с ним.

Покончив с этим нелегким делом и расправившись с бутербродами, она некоторое время сидела без движения, тупо уставившись в темное лобовое стекло. Затем встрепенулась, вырвала листок из блокнота, сложила его вдвое и затолкала за бюстгальтер. Так вернее, быстрее поймут, что к чему. Но у нее уже зуб на зуб не попадал от холода. Даша стянула чехлы с заднего сиденья, они были из искусственного меха, сняла ботинки и закутала ноги в чехлы. Затем натянула поверх шапочки капюшон пуховика, а руки засунула в рукава.

На некоторое время она и впрямь согрелась, и тотчас ее неудержимо потянуло в сон. С четверть часа она мужественно с ним боролась. Трясла головой, ругалась. Но вскоре поняла, что это выше ее сил, и закрыла глаза...

...Она ехала в пролетке. Сейчас, сейчас, отсчитывало сердце секунды, вот он, этот поворот. Она уже видела двух бомбистов в черных тулзурках политехнического института. Они стояли почти напротив друг друга по обе стороны улицы, а высокая фигура того, кого она любила больше жизни, вожака их боевой группы, виднелась чуть дальше. Лицо у него было напряженно, брови сведены у переносицы, тонкие губы сжаты в едва заметную полоску.

Пролетка остановилась у аптеки. Она сошла и сунула извозчику двугривенный. Затем направилась к деревянной театральной тумбе, на свое, отведенное ей в этой операции место. Первым делом проверила револьвер, который все это время придерживала за пазухой. И тут вожак взмахнул рукой. Внимание! Вот-вот покажется карета. Тогда он вскинет руку во второй раз, и бомбисты метнут самодельные бомбы под копыта лошадей и колеса экипажа. Вчера они весь день тренировались за городом, поэтому не должны промахнуться.

Но ее роль в другом: сразу после взрыва она должна подскочить к карете и выстрелить в великую княгиню, жену наследника, если та еще будет жива. Она предполагала, что казаки-атаманы из охраны будущего императора зарубят ее на месте, и готова была пустить себе пулю в висок прежде, чем они придут в себя после взрыва. Она несколько не страшилась смерти. В том предназначение их группы – отомстить за смерть товарищей, которых два месяца назад повесили в Шлиссельбурге за убийство дяди царя. Она шла на смерть осознанно, равно как и ее любимый, и как те, почти незнакомые ей студенты-политехники...

Карета вывернула из-за поворота неожиданно, чуть раньше, чем ее ожидали. Но она успела ухватить взглядом и сам экипаж, и предваряющий его появление сигнал вожака. Бомбисты одновременно шагнули на мостовую, взметнулись руки с зажатыми в них чугунными шарами. Она тотчас укрылась за тумбой, чтобы не посеколо осколками. Но взрывов не было. Страшно кричали люди, дико ржали лошади, однако бомбы не взорвались.

Она выглянула из-за тумбы. Лошади, которые везли карету, вынесли ее на тротуар, а бомбисты уже лежали на мостовой, и несколько дюжих казаков избивали их ногами. Откуда-то появились жандармы, придерживая шапки, они разгоняли зевак. В воздухе стоял забористый мат и слышались гневные крики толпы.

Тут она заметила, что их вожак стоит в стороне, за деревьями, и ей показалось, будто он с любопытством взирает на то, что происходит рядом с экипажем. Он мгновенно почувствовал ее взгляд. Его лицо исказилось, и он повелительно махнул рукой в сторону кареты. К ней только что подкатила коляска. Великая княгиня с маленькой девочкой на руках вышла из

кареты. Им помогли подняться в коляску. Два жандарма заскочили следом. И в этот момент она рванулась им навстречу, целясь из револьвера прямо в лицо юной красивой женщины и пытаясь что-то кричать при этом. Но горло стянули спазмы, а пальцы задеревенели, и она, как ни старалась, не сумела нажать на спусковой крючок.

На нее набросились сзади, схватили за волосы, повалили на землю, и последнее, что она заметила, это любопытный взгляд ребенка и глаза княгини. Александра смотрела на нее с жалостью. А когда ее подняли на ноги, вдруг бросила к ногам своей несостоявшейся убийцы платок. «Утрите ей лицо, оно у нее в крови», – произнесла великая княгиня с явным немецким акцентом, а та, которую она пожалела, едва не задохнулась от ненависти. Все пропало! Смерть их товарищей останется неотомщенной...

Даша повернулась и стукнулась лбом о боковое стекло. Локоть уперся в рулевое колесо, и громкий стонущий звук ударил ее по ушам. Она испуганно отдернула руку от сигнала, но, успокоившись, несколько раз нажала на него, прекрасно понимая, что вряд ли кто расслышит его сквозь завывания пурги. Однако это помогло ей справиться с сердцебиением. Станный какой-то сон она увидела, ничем не связанный ни с ее литературными интересами, ни с событиями прошлой жизни. Скорее он походил на эпизод из старого фильма про жизнь революционеров. Но при чем тут великая княгиня, жена будущего императора Николая Второго? Как Даша ни напрягала мозги, не могла вспомнить, существовал ли исторический факт нападения боевиков на карету будущей императрицы или это плод ее воображения? А может, она читала где-то об этом покушении или слышала краем уха? И о нем почти ничего не известно по той простой причине, что оно было неудачным. Но почему все-таки бомбы не взорвались? При чем обе? Наверняка их тщательно проверили, прежде чем пустить в дело...

Тут Даша окончательно пришла в себя и поняла, что ее волнуют совсем не те проблемы, которые должны волновать человека в ее положении. Ноги замерзли настолько, что она почти их не чувствовала. И тут Даша вспомнила о пуховых носках Оляли. Вот в них-то ее ногам было бы тепло, как в духовке. Однако она так поспешно собиралась, что забыла взять в дорогу самое необходимое, не говоря уже о носках. Например, термос с горячим чаем или ту же фляжку со спиртным, которая осталась в номере.

Она поворочалась на сиденье, разминая затекшие мышцы. Кровь быстрее побежала по жилам, пальцы заломило от ее притока, но боль напомнила Даше, что она до сих пор жива и пока еще контролирует себя. Она принялась растирать ноги. При этом Даша опять согрелась и даже попыталась открыть дверцу, чтобы понять, что происходит снаружи. Однако та не поддавалась ни на йоту, вероятно, ее завалило снегом, а может, просто примерзла.

Ветер продолжал завывать и месить снежную муку, но, кажется, его порывы стали тише, пустой багажник уже не грохотал, как тамтам африканского воина. Скорее всего, «москвиченок» замело по самую крышу. Даша огорченно вздохнула. Если Гришины рейки повалило, а пакет сорвало ветром, то ее откапают только тогда, когда прекратится пурга. Тут она вспомнила, что утром по тракту пойдут автобусы и машины с теми, кто отправится в Сафьяновскую на похороны Арефьева. Она представила, какие будут у них лица, когда из машины достанут ее закоченевший труп. И скривилась. Оляля, Лайнер, Мишка с Танькой... Она бы врагу не пожелала подобного зрелища, а каково будет ее друзьям? Хотя утром уже ничто не будет ее волновать: и как она выглядит, и что подумают при этом ее друзья и недруги.

Страшная усталость навалилась на Дашу. Она уже не пыталась ей сопротивляться. И снова закрыла глаза...

...Виселица возвышалась впереди, и ее контуры в бледном свете раннего утра казались дверным проемом, распахантым в еще не наступивший день. На площади бесновалась толпа. Осужденных на казнь окружали плотным кольцом солдаты. Они шли, выставив перед собой винтовки с прижатыми к ним штыками. И все же толпа теснила их, напирала, сжимала, а в лица тех, кто пытался убить будущую императрицу, летели плевы, комья земли и камни.

Обреченные на казнь молодые люди были закованы в железо и не могли защититься от народного гнева. Толпа ревела: «Цареубийцы!» – и хмелела от собственной ярости, как будто от чарки домашнего самогона.

– Дурка! Дурка! Раззява! – послышался ей вдруг голос Оляли. Она подняла голову и увидела юродивого – грязного, тщедушного, шелудивого. Он метался рядом с помостом, на котором всю ночь стучали топоры плотников, спешно сооружавших эшафот для висельников. Лохматая голова на тонкой шее болталась, как коровий колокольчик. Он задира к небу костлявые руки и голосил истошно: – Смерть, смерть иродам! Раззявы! – и еще что-то совершенно непонятное и оттого жуткое и безысходное. Она зажмурилась на мгновение, а когда открыла глаза, то обнаружила, что у юродивого и впрямь лицо Оляли... Он разевал рот, корчил рожи и кривлялся, кривлялся, брызгая слюной, и визжал, тыча в осужденных пальцем: – Кровь! Кровь! Пустить кровь, юшку пустить...

Наконец их подвели к эшафоту. Вокруг него стояли в оцеплении конные казаки с шашками наголо. Ее взгляд выхватил группу из нескольких человек: врач, священник, прокурор с кожаным портфелем. За их спинами сидел на корточках человек в красной рубахе и быстро курил в кулак. И она поняла по рубахе, что это палач...

Врач и священник о чем-то тихо переговаривались и не обращали внимания на осужденных, словно казнь давно стала для них будничным, таким же обыденным делом, как поход в булочную или поездка на дачу.

Обреченные застыли на помосте и стояли без движения, пока их освобождали от цепей. Толпа притихла, а юродивый сел прямо в грязь и уставился на них своими круглыми безумными глазами. Он чесался, быстро и возбужденно, как собака, а сквозь немыслимое рванье проглядывало бурое иссохшее тело, все в ссадинах и расчесах. Она отвела от него глаза и перевела их на толпу. Ни одного доброго взгляда, а на лицах всего лишь любопытство, возмущение и злорадство. И это так не вязалось с надвигающейся трагедией, с самим таинством смерти, что она подняла голову и стала смотреть в небо. Там плыли легкие облака и виднелся бледный серп луны. Нет, совсем по-другому представляла она последние минуты своей жизни...

Прокурор нетерпеливо посмотрел на карманные часы, захлопнул крышку и достал из портфеля картонную папку. Затем быстро взбежал по ступеням на эшафот, следом за ним поднялся жандармский поручик. Прокурор выступил вперед и открыл папку. Он по очереди опросил осужденных: фамилия, имя, происхождение, год и место рождения, будто хотел удостовериться, что казнят именно тех, кто значится в приговоре.

За последние дни эта процедура повторялась неоднократно, и осужденные отвечали равнодушно, словно речь шла о ком-то чужом, а не о них самих. Сверка данных закончилась быстро, ведь их было только трое. Два неудавшихся бомбиста и та, что не сумела расстрелять княгиню. Их возжак погиб на месте покушения, выстрелив себе в висок в тот момент, когда на него набросились жандармы.

Прокурор перевернул бумагу и начал зачитывать приговор зычным голосом, бившимся гулким эхом в каменные стены окружающих площадь домов:

«Военно-окружной суд... согласно положению „О преступлениях государственных“... „Уложения о наказаниях уголовных и исправительных“, том пятнадцатый, в соответствии со статьей 241-й, коей всякое злоумышление и преступное действие против жизни, здоровья или чести Государя Императора, равно как и членов Императорской семьи, и всякий умысел свергнуть их с престола... В соответствии со статьей 243-й, коей все участвующие в злоумышлении или преступной деятельности против священной особы Государя Императора или против прав самодержавной власти... В соответствии со статьей 245-й... приговариваются... к лишению всех прав состояния и смертной казни через повешение...»

Прокурор читал все быстрее, пропуская абзацы и проглатывая окончания слов, а голос его забирал и забирал вверх и, казалось, вот-вот сорвется от напряжения.

«За принадлежность к преступному сообществу „Народная воля“... за хранение оружия... за изготовление самодельных метательных снарядов... за сопротивление властям...» – слова вылетали с присвистом из прокурорских уст. И последнюю фразу «Приговор окончательный и обжалованию не подлежит» он произнес с явным облегчением.

Прокурор покончил с приговором, а на его место заступил протоиерей. Он уже успел облачиться поверх рясы в епитрахиль, выпростав крест наверх.

– Исповедуйтесь, рабы Божии, – протянул он нараспев, поднимая зажатое в кулаке распятие.

Студенты смотрели угрюмо, а один, тот, что постарше, пробурчал:

– Лишнее, батюшка, не трать время!

– Не возропцуйте на Господа, не богохульствуйте, не предавайте себя гордыне, дети мои! – Протоиерей словно не заметил вызова в словах осужденного, говорил мягко и доброжелательно. – Спаситель заветал нам любить ближнего аки себя самого, и эта благовесть по всему миру идет. И даже на пороге земного существования...

– Лишнее это, – прервал его все тот же студент.

– Воля ваша, дети мои, – смиренно произнес протоиерей и осенил всех троих крестным знамением. – Да простит вам Всевышний грехи ваши, гордыню и закоренелость во зле вашу! Аминь!

И тут она почувствовала пристальный взгляд. Подняла глаза и увидела человека, того самого, в красной рубаше. На лице у него была черная полумаска. Он держал в руках что-то похожее на огромные мешки для сена и, несомненно, смотрел на нее, а по щекам его, исчезая в бороде, катились слезы. Это было самое сильное потрясение: палач плакал перед тем, как казнить своих жертв. И тогда она швырнула ему платок, тот самый, который ей бросила под ноги княгиня, и процедила презрительно: «Утрись!» Он подхватил его у самого помоста. Затем подошел и, как заправский модный парикмахер, поднял ей волосы, длинные и почему-то светлые, и перевязал их широкой полотняной лентой, обнажив при этом высокую шею.

После этого на них набросили длинные грязно-белые мешки, в которых казненных похоронят потом где-нибудь в яме, в лесу, а тела присыплют негашеной известью...

Она уже ничего не слышала и не ощущала, кроме едкого запаха пыли, пропитавшего ее саван. Ей помогли подняться на деревянный табурет, и тотчас чья-то рука набросила петлю на ее шею. Застучали дробно барабаны, и жандарм выкрикнул истошно: «В-выбивай!» Заскрипела перекладина, захрипели и задержались в агонии ее товарищи...

Она окаменела. Сейчас, сейчас...

– И-испол... – повел опять жандарм на ликующей ноте вверх, но неожиданно смолкли барабаны и раздался голос прокурора:

– Подождите!

Сквозь лихорадочные удары пульса, сквозь глухоту, заложившую уши, до ее сознания с трудом просочилось:

– Его Императорское Величество... На всеподданнейшем докладе министра юстиции... Собственноручно изволили... Согласно Их высочайшей воле... помиловать, заменить смертную казнь через повешение десятью годами заключения в крепости...

С нее стянули мешок. Она упала на колени, хватала ртом свежий воздух и никак не могла надыхаться.

– Вставай, вставай! – ревела толпа.

Она непонимающе оглядывалась по сторонам. И вдруг увидела карету, которая уже тронулась с места. А в ее окне – профиль того, чье лицо являлось ей все дни и ночи, проведенные в тюремных казематах. Она не могла ошибиться. Это был действительно он, возжак их боевой группы, живой и здоровый, но почему-то в мундире жандармского ротмистра и

почему-то с лицом Влада... Всего мгновение она смотрела вслед экипажу. Догадка пронзила ей мозг, как разряд молнии, и она повалилась на затоптанные доски эшафота...

Глава 8

– Вставай, вставай! – чей-то настойчивый голос ворвался в ее сознание. Дашу трясли, терли ей руки и даже шлепали по щекам, не больно, но очень обидно. А когда раз за разом пытались поставить ее на ноги, она валилась в снег как подкошенная и молила только об одном: чтоб ее оставили в покое, ведь она едва успела согреться.

– Вставай, вставай! – опять раздалось над ее ухом. Сильные руки не слишком вежливо подхватили ее под мышки и куда-то поволокли.

Горячая волна хлынувшего в кровь адреналина плюс воистину уникальное воображение моментально нарисовали ужасную картину. Маньяк? Как она сразу не догадалась? Подкрался, сволочь, незаметно! Даша попыталась напрячься, чтобы сбросить державшие ее руки, но безуспешно. Вернее всего, маньяк даже не заметил ее сопротивления. Нет, она не сдастся без боя! Она должна непременно отбиться...

И Даша принялась отталкивать от себя того, кто куда-то тащил ее по снегу. Ей казалось, что она отвешивает удары направо и налево, пинает по ногам своего захватчика и даже выворачивает ему руки. На самом деле со стороны это смахивало скорее на мелкие судороги, и человек, который с трудом вытащил Дашу из замеченного по самую крышу «Москвича», выругался сквозь зубы, обхватил ее руками крепче и взвалил себе на плечо.

– Не дергайся! – прикрикнул он сердито и шлепнул ее по мягкому месту.

Соппротивление лишило Дашу последних сил, и без этого предупреждения она обвисла на широком мужском плече. А снова пришла в себя уже в салоне автомобиля. Тусклый свет выхватывал лишь профиль ее спасителя, и она не могла понять, старый он или молодой... Он занимал собой почти все пространство передних сидений. Даша, придавленная к дверце, ютилась на самом краешке и все-таки осмелилась, дотронулась рукой до пестрой камуфляжной куртки.

– Кто вы? – спросила она тихо.

– МЧС, – буркнул сердито водитель. Он пытался завести заглохший двигатель, чертыхаясь, давил на газ и переключал скорости. Наконец ему удалось вывести автомобиль из снежного заноса. Он удовлетворенно вздохнул и выключил свет в салоне.

– Вы правда из МЧС? – спросила Даша робко, словно чувствовала за собой вину за то, что с ней случилось.

– Правда, – буркнул мужчина и посмотрел на нее. В темноте блеснули белки глаз. – Служба спасения утопающих в снегу!

– Серьезно? – удивилась Даша.

– Серьезнее не бывает. – Он резко повернул руль и выругался: – Черт! Косой откуда-то выскочил.

Даша взглядела в разрезаемую светом фар темноту и увидела удиравшего со всех ног зайца. И только сейчас поняла, что снег прекратился и ветер тоже почти стих.

– Ой! – спохватилась она. – Моя машина...

– Ничего с ней не случится, – усмехнулся ее спаситель. – Утром откопаем. – И снова посмотрел на нее: – Интересно, куда вас леший погнал по такой погоде? Самоубийца, что ли?

– Нет, мне очень нужно было... – Она не договорила. Зачем кому-то знать про ее проблемы и про ее дела?

– Через час вам уже ничего не нужно было бы, – проворчал мужчина и добавил огорченно: – Откуда только такие пустоголовые бабы берутся? – И осведомился, не слишком, впрочем, заинтересованно: – Мужик знает про твои дела?

– Что вы имеете в виду? – справилась она в ответ. – Мужик – понятие весьма растяжимое.

– Ну, значит, не знает, – вздохнул ее личный спасатель. – Я бы таким, как ты, запретил вообще за руль садиться.

– Бодливой корове бог рогов не дал, – фыркнула Даша.

– Ты не ершишься! – усмехнулся мужчина. – Могла бы, между прочим, и спасибо сказать, а не огрызаться, когда тебе полезные советы дают!

– Спасибо, – сказала она виновато, – как вы меня заметили?

– А ты хорошо с этим пакетом придумала, – неожиданно похвалил ее мужчина, – редкая баба догадалась бы.

– Может, я и есть редкая, – усмехнулась она.

Ее спасатель повернул лицо и с интересом посмотрел на нее.

– Ну, бабы, чуть-чуть от задницы отлегло, и сразу за свое...

Он вдруг оторвал правую руку от руля, обхватил ее за плечи, резко притянул к себе, поцеловал в губы. И засмеялся.

– Ничего, сладкая!

– Ах ты, сволочь! – Она что было сил оттолкнула его от себя и заехала кулаком точно в зубы. Конечно, размаха не получилось, и удар оказался слабым. И все же мужчина отпрянул от нее, и машина нервно вильнула на трассе.

– Ты что? – выкрикнул он. – Шальная?

– А ты не лезь! – закричала она в ответ. – Только тронь попробуй!

– Нужна ты мне больно! – рассмеялся водитель. – Ты ж сейчас как лягушка холодная! Бр-р! – передернулся он. – Я теплых женщин люблю, горячих! А не синих, как ты!

– Синих? – задохнулась Даша от возмущения. – Что вы себе позволяете? – И только сейчас спохватилась: – Куда вы меня везете?

Мужчина расхохотался.

– Эка, хватилась! И впрямь пустоголовая! Куда я могу синюю бабу везти? Конечно же, в замок Синей Бороды.

– С чего вас веселье разбирает? – поинтересовалась она. – Надеетесь прилично содрать? Так у меня при себе ни копейки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.